

Светские
МАНЕРЫ
Рене Розен

*Завораживающая история
двух огаровательных, сложных женщин,
которые осознают, что на самом
деле поставлено на карту...*

Голоса времени

Рене Розен

Светские манеры

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Розен Р.

Светские манеры / Р. Розен — «Издательство АСТ»,
2021 — (Голоса времени)

ISBN 978-5-17-147979-4

Увлекательная история, основанная на реальных событиях, о соперничестве двух самых влиятельных дам Нью-Йорка в эпоху Золотого века. 1876 год. В роскошных гостининых высшего света Манхэттена женщин ценят за их родословную, деньги и связи в обществе. И нет более могущественной дамы, чем Каролина Астор. Но на сцене появляется Альва Вандербильт, которая лишь недавно вышла замуж за представителя одной из богатейших семей Америки. Кто же победит в этой схватке за контроль над нью-йоркским обществом?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147979-4

© Розен Р., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Генеалогическое древо семьи Астор	6
Генеалогическое древо семьи Вандербильт	7
Пролог	8
Светские сезоны	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рене Розен

Светские манеры

Renee Rosen
SOCIAL GRACES

Публикуется с разрешения Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of PenguinRandom House LLC.

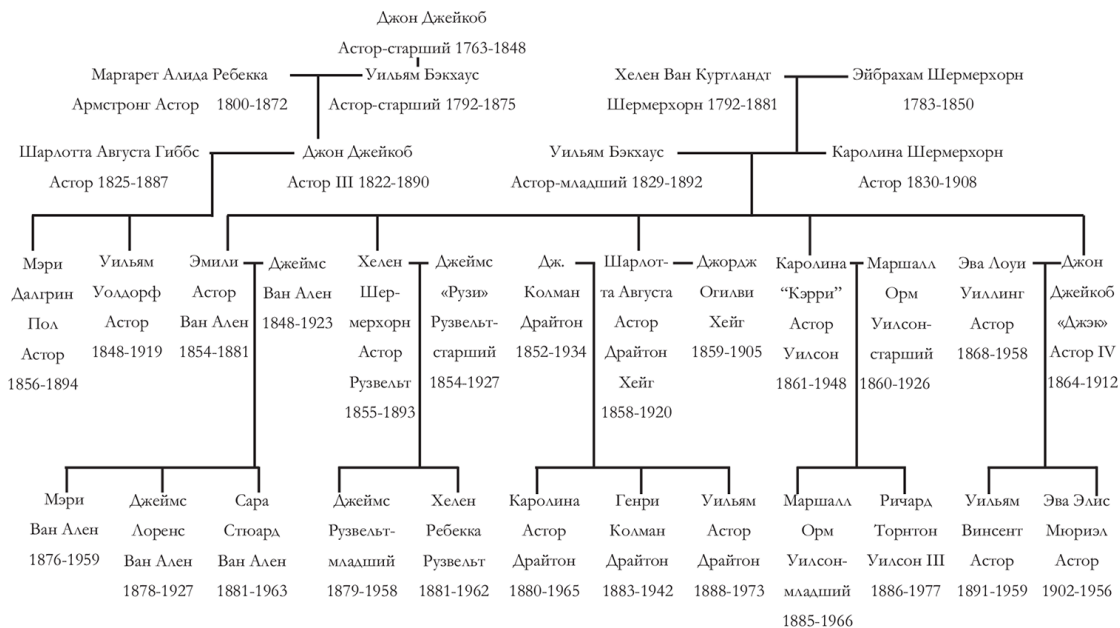
© Renée Rosen, 2021
© Новоселецкая И., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

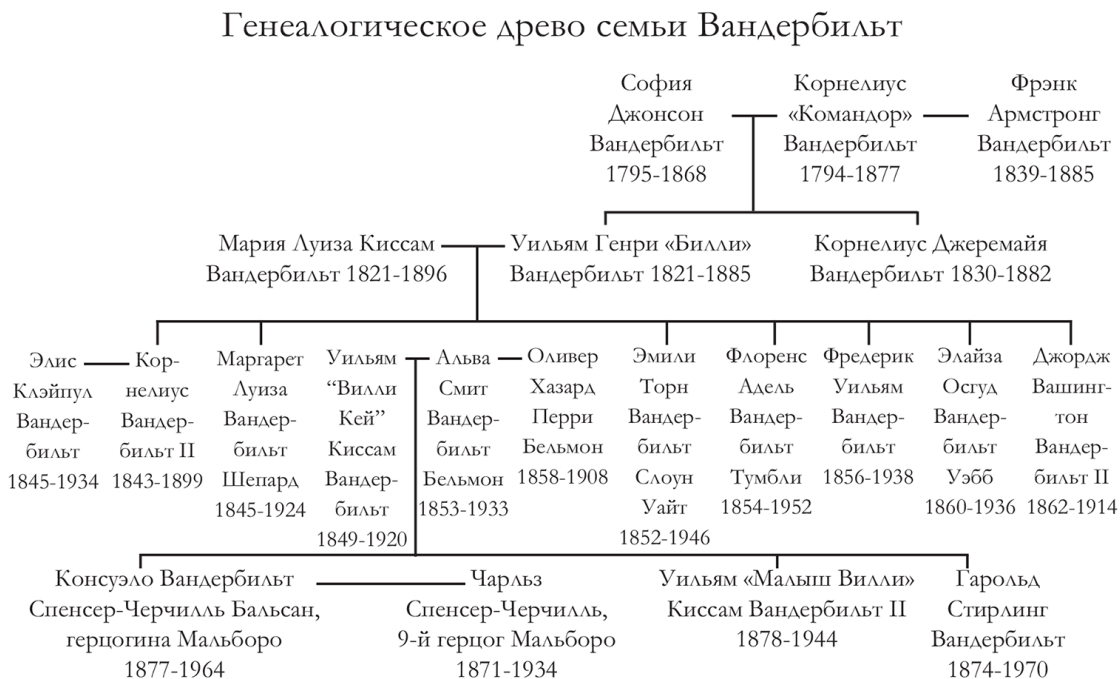
«Молитесь Богу. Она вам поможет».
Альва Вандербильт

Генеалогическое древо семьи Астор

Генеалогическое древо семьи Астор

Генеалогическое древо семьи Вандербильт

Пролог

Светская хроника

1876 г.

Нас называют «прекрасный пол». В равной степени лестное и раздражающее определение. Утонченные, хрупкие, слабые создания. Да будет вам! Если на мужчине туго затянуть корсет, ужав его талию на четыре дюйма, он при первом же вздохе упадет в обморок. Что уж говорить про муки деторождения? *Прекрасный пол, изящные турнюры.*

Мы – жены и дочери богатых людей, хотя состояния наших семейств имеют недавнее происхождение. Еще одно-два поколения назад наши матери и бабушки стряпали на дровяных кухонных плитах, штопали носки, вязали шерстяные одеяла. Наши отцы и деды в большинстве своем трудились в поте лица, занимаясь законным ремеслом, – хотя кто-то, *возможно*, не брезговал использовать в своих интересах обстоятельства, сложившиеся после войны между Севером и Югом. Так сказать, «наживались на войне», как говорят многие. А, по нашему мнению, просто «пользовались моментом».

Мы – нувориши. Новые богатеи. В противовес традиционной нью-йоркской финансовой аристократии. Извечные враги никербокеров – несносных снобов, вызывающих всеобщую зависть.¹

Соперничая со старой гвардией, мы, как и они, свои календари подстраиваем под два светских сезона: зимний и ньюпортский. Зимний сезон проходит на Манхэттене и длится всего лишь три месяца. На светских мероприятиях, которые начинаются в ноябре, те из нас, кто впервые выходит в свет, предстают во всей своей красе в надежде подцепить мужей. Джентльменам, которые ищут жен, все равно, сколь бегло мы изъясняемся на пяти иностранных языках или вообще таковых не знаем. В принципе, некоторых больше устраивает последнее. Им не важно, что мы учились во Франции, музицируем на арфе и фортепиано, прекрасно танцуем. Для этих соискателей главное, чтобы за потенциальной невестой приданое дали посolidнее и она могла похвастать лебединой шеей и огромными выразительными глазами – обычно этот эффект достигается с помощью капель из сока ягод белладонны. Слава богу, к началу первого вальса слезоотделение и жжение в глазах проходит и к нам *обычно* возвращается нормальное зрение.

Те из нас, кто уже замужем, спокойны и даже, пожалуй, немного кичатся собой. Пусть мы не сидим за письменными столами из красного дерева и не занимаем высокие посты в крупных корпорациях, но мы все равно зарабатываем валюту – валюту другого типа. Светскую валюту. Это – наше золото. Платежное средство – за более значимые приглашения, за более высокий статус, за более широкое влияние.

Богатство налагает определенные обязательства, и нужно привыкнуть их исполнять, о чем тебя никто не предупреждает, когда ты впервые становишься состоятельной. День богатой дамы протекает в своеобразном ритме, подчинен установленному распорядку, в котором нет места спонтанности и отклонениям. Мы усваиваем, что всё делается по предписанным

¹ Никербокер (Knickerbocker) – прозвище потомков первых голландских переселенцев Нью-Йорка, в более широком смысле уроженцев или жителей этого города. Связано с именем Дитриха Никербокера, вымышленного автора «Истории Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии», написанной амер. писателем Вашингтоном Ирвингом (1783–1859) и впервые опубликованной в 1809 г.

правилам – и под «всё» подразумевается *любое* действие, *любой* шаг: как одеваться, как сидеть, как и что есть, как приветствовать джентльмена на улице и т. д. Это – цена, которую мы платим за то, чтобы сохранить свое влияние.

Скажите: тоска? Ничего подобного. Наша жизнь наполнена всяческими удобствами, какие только душа желает. Ливрейные лакеи, гардеробные, забытые новинками французской моды. Благодаря камеристкам в наших шифоньерах каждая вещь на своем месте: шляпки лежат страусиными перьями и эгретками наружу; утренние туалеты отделены от дневных и тех, что мы надеваем на чаепитие. В стенных шкафах из кедра – складные саквояжи с бальными платьями, оберегающие от порчи ткани и изящную отделку из бус; сами наряды переложены папиросной бумагой и духами-саше, точно так, как они были упакованы при доставке из Парижа, откуда они прибыли без единой мятой складочки.

Конечно, ни один предмет одежды и даже ни одна пара лайковых перчаток не принадлежит непосредственно нам. Все это – собственность наших мужей. Равно как и мы сами. С их милостивого позволения мы предаемся удовольствиям. И еще как предаемся! Мы бросаемся в бой. Пируем на банкетах из девяти блюд, танцуем до рассвета, продолжая кружиться и по возвращении домой. А, может, это просто комната кружится перед глазами от того, что мы перепили шампанского. В наших светских календарях каждый день расписан по минутам. Днем мы посещаем обеды, чаепития и сольные концерты; вечерами – приемы, званые ужины и балы. И, конечно, вечер понедельника – неизменно самый особенный.

В понедельник вечером мы идем в оперу. Мы надеваем наши лучшие туалеты и драгоценности. Нас сопровождают мужья, отцы или поклонники, а также суровые пожилые компаньонки, зорко следящие за тем, чтобы, не дай бог, мы с кем-нибудь не соприкоснулись руками или не допустили еще какую непристойность.

По снегу, присыпанному угольной пылью и сажей, мы пробираемся к конным экипажам, которые доставят нас в Музыкальную академию. Туда мы прибываем ровно через десять минут, после того как в половине девятого открываются двери зала. Оркестр уже исполняет увертюру, но это не имеет значения. В оперу мы ходим не музыку слушать. Боже упаси. Многие из нас оперу вообще не любят. Однако мы исправно посещаем Музыкальную академию, потому что так принято в обществе. Наше присутствие там – это часть игры. А мы намерены принимать в ней участие. И победить. В конечном итоге.²

Наши места – в партере, где сидят все, кому средства позволяют приобрести билет. На первый взгляд, пурпурно-золотой зал – само воплощение роскоши. И лишь по более пристальном рассмотрении мы замечаем истертость ковров, трещины в штукатурке и облупливающуюся краску. Театр вмещает 4000 тысячи зрителей, и, будьте уверены, к концу второго акта, когда появляется самый почетный гость Академии, вы не увидите ни одного свободного кресла. Под оркестровое крещендо она входит в обитую бархатом ложу на балконе, расположенном высоко над нами, и мы все разом оборачиваемся к ней с задранными головами, словно цветы, тянущиеся к солнцу.

И нашим взорам предстает она – Каролина Уэбстер Шермерхорн Астор. Миссис Астор.

Пока наши предки ждали благоприятного случая в Европе, ее прародители – первые голландские переселенцы, прибывшие в Нью-Йорк, – уже ходили по этим самым улицам. А значит, миссис Астор из никербокеров, представляет элиту американского высшего общества.

Мы всегда с нетерпением ждем антракта, тяжело ведь подолгу сидеть в креслах: старые пружины врезаются в мягкое место. И пока аристократия выстраивается в очередь у ложи миссис Астор, чтобы засвидетельствовать свое почтение правящей королеве, мы толпимся в фойе – разминаем ноги, общаясь между собой. Рабы привычки, мы будем беседовать о том же, о чем

² Музыкальная академия (the Academy of Music) – оперный театр в Нью-Йорке на Манхэттене. Зал на 4000 мест был открыт в 1854 г. и тогда стал одним из крупнейших концертных залов в мире. В 1926 г. здание театра было снесено.

говорили в прошлый понедельник, и в позапрошлый. Пенелопа Истон заметит, что, если бы исполняли Вагнера, сейчас еще шел бы второй акт, а Мэйми Фиш сообщит, что ее любимый музыкальный инструмент – расческа. Сюрпризов ждать не приходится.

Однако сегодня вечером после того, как в третьем акте Фауст соблазнил Маргариту, мы все в унисон вскидываем лорнеты. В партере, через проход, шурша платьем из золотой парчи с отделкой из серебристого тюля, появляется Альва Смит. Ой, простите. Альва *Вандербильт*. Новоявленную миссис Вандербильт сопровождает супруг – красавец-мужчина. Ее голову с ярко-рыжими волосами венчает тиара, шею обвивает жемчужное ожерелье, которое, по слухам, некогда принадлежало самой Екатерине Великой. Корсаж переливается бриллиантами, в ушах сверкают бриллиантовые серьги, руки поверх тонких перчаток украшают с полдесятка браслетов. Если бы возможно было нарядиться в оперу слишком пышно, это был бы тот самый случай.

Для многих спектакль – более интересное зрелище, и большинство глаз снова обращаются на сцену, но те из нас, кто все еще наблюдает за Альвой Вандербильт, становятся свидетелями – на несколько секунд – ее вопиющего поступка. Она обращает взор на балкон, где восседает миссис Астор, и, глядя прямо на гранд-даму, улыбается. Внезапно гремят цимбалы и литавры, и нас на мгновение охватывает страх, что это миссис Астор выплескивает свой гнев. Но потом вступают флейты, скрипки и другие инструменты, вновь привлекая наше внимание к сцене, и мы, успокоенные, готовимся слушать последний акт.

И лишь гораздо позже, когда луна, выскользнув из-за облаков, насылает предрассветные тени в окна наших спален, выходящие на Пятую авеню, мы осознаем, что произошел некий неуловимый сдвиг. Предвестник перемен. Просто нам пока неизвестно, *что* это могут быть за перемены.

Светские сезоны 1876–1878 гг.

Глава 1

Каролина Ньюпорт

Каролина обдумывала полученное известие, хотя, в общем-то, все было предельно ясно. Уже ныла голова. Боль начиналась за левым глазом и, крепчая, распространялась к груди. Точнее, к сердцу. Она снова взглянула на строчки, написанные рукой Августы: *твоего мужа видели с...* Вероятно, ее золовка считала, что поступает по-христиански. В сущности, для Каролины это не должно было стать сюрпризом. Да она и не удивилась. Муж Каролины делал, что хотел и с кем хотел, а она молчала, мирилась, терпела. А что еще ей оставалось? Каролина разорвала письмо на две части, потом на четыре, потом на восемь, и продолжала его рвать и рвать, пока не превратила неверность Уильяма в конфетти.

Выбросив клочки изодранной бумаги, она прошла из спальни на террасу, с которой открывался вид на скалы и Атлантику. Ее обволакивало тепло, поднимавшееся от нагретого солнцем мрамора. Пальцами касаясь балюстрады, она стояла и смотрела на океан. К берегу неслись огромные волны. Они разбивались о скалы, и шлейф морской пены, в который они превращались, снова поглощал прибой. Начинаясь прилив. Волны бежали быстрее, набирая мощь, и Каролина чувствовала, как в ней тоже зреет душевный подъем. Еще не так давно она была раздавлена изменами Уильяма, мучилась от жалости к себе, по нескольку дней не вставала с постели. Однако вот она, по-прежнему на ногах, не сломлена. Да, голова болит, сердце колет, но она не теряет присутствия духа. Это она уже проходила. Никуда он от нее не денется.

Мудрость – единственное преимущество надвигающейся старости, компенсация за мелкие морщинки вокруг глаз и губ. Подобно волне, что растет, достигает предельной высоты и обрушается, Каролина Астор в свои сорок шесть лет находилась на пике зрелости. Все минувшие годы она не щадила себя и теперь наконец пребывала на гребне успеха. Долго ли ей удастся сохранять свое могущество? Трудно сказать. Она не хотела думать ни об этом, ни о том, что ее ждет, когда жизненные силы иссякнут и она утратит свою значимость. А это было неизбежно. Рано или поздно так случалось со всеми. Казалось бы, старшее поколение должно почитать, перенимать у него знания и опыт, а стариков вместо этого задвигали в угол, где они доживали свой век, позабытые и невидимые для тех, кому пришло время занять их место. Но пока, разумеется, Каролина находилась на вершине славы. Она давно избавилась от неверия в собственные силы, не стыдилась своего положения. Жалела только о том, что нельзя остановить время, навсегда закрепить за собой статус непререкаемого авторитета.

Да, Уильям слыл волокитой, и, если Августе было известно о его последнем увлечении, значит, об этом уже судачил весь свет. К чему, к чему, но к сплетням Каролина питала самое стойкое отвращение. Она представила, как матроны, прогуливаясь по Бельвью-авеню, говорят: *Не будь она аристократкой, он никогда бы на ней не женился.*

Уильям Бэкхаус Астор-младший уже лысел, но все еще оставался видным мужчиной. У него были большие карие глаза и пушистые усы в форме подковы, привлекавшие внимание к ямочке на его подбородке. Каролина, унаследовавшая от деда массивный подбородок и округлый нос, не обманывалась насчет своей внешности: красотой она не блистала. Однако те светские дамы, что перемывали ей косточки, пребывали в неведении относительно главного:

сколько бы женщин ни возбуждали интерес ее мужа, со сколькими бы он ни вступал в любовную связь, Уильям всегда возвращался к жене. Всякий раз. Неизменно.

Она услышала шаги и, обернувшись, увидела в своей спальне Эмили. Вид у той был сконфуженный и даже оробевший. Буквально минуту назад странный шум в коридоре вывел Каролину из раздумий и заставил забыть про головную боль и причины, которые ее вызвали.

– В чем дело? Что случилось?

– Ничего, – ответила Эмили. Ее рука сама собой взметнулась к ожерелью на шее, пальцы ощупывали каждый хризолит, каждый изумруд. Зная Эмили, Каролина сразу поняла, что дочь мысленно пересчитывает драгоценные камни. У кого-то весь мир укладывался в слова или краски, может быть, в звуки музыки. Эмили воспринимала окружающее через числа. Например, глядя на колесо, считала спицы. Любой букет в ее сознании разделялся на количество цветов, а порой – и лепестков. Незадолго до того, как ей исполнилось два года, она научилась считать до пяти, поднимая по одному пальцу. Цифры никогда не лгали, никогда не менялись. Их безусловность вселяла в нее уверенность. – Мне нужно поговорить с тобой о предстоящем приеме. – Словно призывая на помощь все свое мужество, Эмили сделала глубокий вдох, отчего плечи ее приподнялись. – Мне бы очень хотелось, чтобы мистер Джеймс Ван Аллен тоже получил на него приглашение.

– Понятно. – Головная боль вернулась. Каролина остановилась перед застекленным шкафчиком с антикварными вещицами и, обдумывая ответ, принялась переставлять коллекционные бронзовые фигурки. Эмили, самой старшей из ее детей, было двадцать два года, и Каролине не терпелось выдать ее замуж, но только, разумеется, не за Джеймса Ван Аллена.

– Я хотела бы его пригласить, – настаивала Эмили.

– Что ж. – Каролина поставила на полку одну из статуэток. Она опасалась, что отклонив просьбу дочери, она тем самым лишь подтолкнет Эмили в объятия Ван Аллена. – Пожалуй, мы *могли бы* принять еще одного гостя.

– И...

– И?

– Я... мне бы хотелось, чтобы господину Ван Аллену отвели место за нашим столом. – Эмили кивнула, словно подбадривая себя: «Ну вот, сказала-таки», и снова затеребила свое ожерелье.

Каролина рассмеялась, хотя ей вовсе не было смешно.

– О, боюсь, *это* абсолютно неприемлемо. Посадив мистера Ван Аллена за один стол с нами, мы введем общество в заблуждение. Все решат, что твое сердце занято.

– Но оно *занято*, мама. Занято.

– Только бабушке этого не говори, прошу тебя. Ее удар хватит. – У самой Каролины тоже сдавило сердце. Джеймс Ван Аллен был для Эмили совершенно неподходящей партией, так же, как в пору юности самой Каролины для нее оказался неподходящей партией Хорас Уэллсби. Мать Каролины запретила ей встречаться с ним, и разговор на том был окончен. Каролина не выразила протеста, не потребовала объяснений. Пойти против воли матери было сродни преступлению. Но Эмили не была столь покорна. Каролина вполне допускала, что та начнет украдкой бегать на свидания к Ван Аллену и тайком писать ему любовные письма. Она не хотела ставить дочь в такое положение, когда Эмили будет вынуждена лгать. В принципе, было бы лучше, если бы Эмили вовсе не увлекалась Ван Алленом.

– Ох, Эмили, – вздохнула Каролина. Джеймс Ван Аллен был вдовцом. Ему бы впору оплакивать жену, скончавшуюся меньше года назад, а не женщину другую обхаживать. Она хотела сказать дочери, что он человек не самого благородного происхождения. Что Ван Аллен-старший, даром что бригадный генерал, вложил немалые деньги в строительство Иллинойской центральной железной дороги и недоплачивал рабочим. Что Джеймс Ван Аллен слыл всеобщим

посмешищем, поскольку, проучившись год в Оксфорде, по возвращении в Штаты стал имитировать британский акцент и носить монокль с простым стеклом вместо линзы.

Ей многое хотелось сказать дочери, но она взяла Эмили за руку, усадила ее на кровать и сама села рядом.

– Девочка моя родная, не спеши. Джеймс Ван Аллен не единственный мужчина на свете. Есть много других, поверь мне.

– Да, но он замечательный. Интересный, образованный, добрый.

– Ты недооцениваешь себя, Эмили. Тебе даны красота и хорошее воспитание. Ты можешь выбрать любого достойного джентльмена.

– Но мне нужен он.

– Это ты сейчас так думаешь. Но на приеме будут несколько славных холостяков. Я пригласила их специально для тебя.

– Лучше познакомь их с Хелен и Шарлоттой.

– Для твоих сестер я пригласила других джентльменов.

– А как же Кэрри? Ей уже пятнадцать. Она достаточно взрослая, чтобы иметь поклонников.

Каролина встала и приподняла лицо Эмили за подбородок, заставляя дочь смотреть ей в глаза.

– Сейчас меня больше заботит твоя судьба. Я готова пригласить твоего мистера Ван Аллена при условии, что ты не позволишь ему монополизировать все твое время.

Эмили собралась было сказать что-то еще, но ее перебил Хейд, дворецкий Каролины. Он сообщил, что госпожу желает видеть мистер Уорд Макаллистер.

– Мама, мы с тобой можем договорить после ухода мистера Макаллистера?

– Прости, Эмили, но Джеймс Ван Аллен не будет сидеть с нами за одним столом. Это исключено.

Эмили наморщила лоб, ее губы слегка задрожали. Она была на грани слез, но плакать в присутствии Каролины не осмеливалась. Та, по примеру своей матери, дочерей воспитывала сильными личностями, не одобряя никаких проявлений слабости. Эмили метнулась прочь от матери, бормоча:

– ...ты не понимаешь...

Каролина пригласила на себе платье. Со своей болью и обидой дочери она разберется позже. Она умела отрешиться от семейных неурядиц, когда того требовали обстоятельства. Некоторые, ошибочно интерпретируя эту черту ее характера, считали Каролину холодной черствой женщиной, хотя на самом деле речь шла о способности в нужный момент собраться и привести в порядок свои мысли. И вот она уже снова та самая миссис Астор, в которой нуждалось общество. Следуя за Хейдом, Каролина спустилась по парадной лестнице. Ступала она, как обычно, медленно, словно несла на плечах груз наследия своих голландских предков.

Уорд Макаллистер, маленький плотный мужчина с заметно выпирающим брюшком и слегка неухоженной козлиной бородкой, ждал ее в гостиной. Несмотря на свою карликовую наружность, Уорд Макаллистер каким-то образом завоевал репутацию законодателя светских манер и этикета, знатока вин, изысканной кухни и организации приема гостей. Вместе с Каролиной он создал элитарное светское общество, которым они вдвоем заправляли столь же эффективно, как Асторы-мужчины своей империей недвижимости.

С Уордом Каролина познакомилась много лет назад, когда он был адвокатом. Причем не самым успешным. В ту пору он недавно вернулся из поездки по Англии и Франции и жаждал внедрить в Америке все, что узнал об этикете и новых веяниях в Старом Свете. На одном из приемов под открытым небом, в Ньюпорте, Каролина заметила, как молодой Уорд выливает напиток из бокала на клумбу хозяйки.

– Вам не нравится шампанское или вы просто помогаете садовнику? – любопытствовала она.

– Вообще-то, первое. Если уж подавать шампанское, то никак не дешевое. – В его лице отразился притворный ужас, что заставило ее рассмеяться.

– Позвольте напомнить, – сказала Каролина, зная, что сам он не имеет возможности шиковать, – не все располагают средствами на дорогое шампанское.

– Значит, нужно эти средства изыскать. – Он шутливо вытаращил глаза, покручивая кончик уса.

Спустя годы Уорд Макаллистер так и поступил – изыскал средства, – женившись на богатой женщине. К несчастью, вскоре после свадьбы болезнь приковала его супругу к постели, и Уорду пришлось самостоятельно барахтаться в море светских развлечений. Уильям к Уорду особой симпатии никогда не питал и нередко насмеялся над ним, называя его *извращенцем*.

– Сидит с вами клушками целыми днями, обсуждая сервировку столов и танцевальные па.

– Прошу прощения за вторжение, – начал Уорд, вставая с кресла с тростью в руке, – возникла кризисная ситуация.

– Вот как? – Каролина уловила намек на радостное возбуждение в его полнящемся тревогой голосе. Ее друг, она знала, больше всего на свете любил находиться в эпицентре светских перипетий.

– Мэйми Фиш устраивает рыбный пикник.

– Вечно эта Фиш возникает не вовремя, – отмахнулась Каролина. Мэйми Фиш была из нуворишей, и Каролина глубоко презирала и ее саму, и ей подобных.

– Да будет вам известно, – Уорд тяжело дышал, отчего его жилет трещал по швам – пуговицы вот-вот отлетят, – что она *намеренно* назначила пикник на тот вечер, на который намечен ваш прием, да-да.

– Да что вы? – Каролина даже обрадовалась этому пустяковому препятствию. Необходимость *поработать* над чем-то, что-то *подкорректировать* всегда заставляла ее мобилизоваться. Пусть она не могла ничего поделывать относительно самого последнего увлечения ее мужа или негодного вкуса Эмили в выборе мужчин, но она по-прежнему задавала тон в обществе и не допустит, чтобы миссис Стайвезант Фиш перешла ей дорогу.

– Все только и говорят что о пикнике Мэйми. Да-да, – добавил Уорд, повторив свою любимую раззадоривавшую фразу.

– В самом деле? – Каролина прошла через комнату и принялась выравнять один из цветков каллы в синей вазе из дельфтского фаянса, сильно наклонившийся влево. Ей это не давало покоя с той самой минуты, едва она ступила в гостиную.

– Говорят, у нее будет играть камерный оркестр!

– Хмм. – Рука Каролины застыла на стебле. – Всего лишь камерный? – Она снова опустила цветок в вазу. – Мы пригласим симфонический.

– Симфонический оркестр? – Левая бровь Уорда взлетела вверх.

Каролина дернула за шнурок сонетки, вызывая своего личного секретаря Марию де Бариль. Та появилась в ту же секунду, словно ждала под дверью. Миниатюрная брюнетка с оливковой кожей, она всегда украшала шею затейливыми бусами.

– Мария, нужно внести кое-какие изменения в организацию нашего приема.

– Слушаю вас, мадам. – Секретарь достала ручку и маленький кожаный блокнот, приготовившись записывать.

– Свяжись с Музыкальной академией. Скажи, я прошу, чтобы для моих гостей играл их оркестр и пела Кристина Нильсон.³

³ Кристина Нильсон, графиня де Каса Миранда (1843–1921) – шведская оперная певица (сопрано). Она владела блестящей

Уорд с восхищением кивнул ей, и Каролина отвечала ему говорящим взглядом: «А что вы ожидали?». Она входила в совет директоров театра, – равно как и Уорд, – и была знакома с мисс Нильсон, знаменитой шведской певицей.

– А еще, – продолжала Каролина, – скажи повару, что мы расширяем наше меню на несколько блюд. – Она принялась перечислять, загибая пальцы: – Крокеты из омара, *Truite Meunière*⁴ и *Crevettes Au Beurre Blanc*⁵. Вместо рислинга мы подадим шассань-монраше, и проследи, чтобы дополнительно охладили еще один ящик «Моэт-э-Шандон» 1860 года.

На этот раз обращенный на нее заговорщицкий взгляд Уорда наполнился восторгом, словно он не предвидел, что она решится на такие траты. Но Каролина никогда не скупилась. Это и делало ее той самой миссис Астор. Не всякая хозяйка дома, и уж тем более не Мэйми Фиш, умела принимать гостей с таким размахом, как Каролина. Организацию приемов она возвела в ранг науки. Каролина с ходу могла составить изысканное французское меню вкупе с идеальной винной картой. Она представляла сервировку стола вплоть до мельчайших деталей.

– Какие еще будут указания? – спросила Мария, продолжая черкать в блокноте.

– Да. Обязательно направьте приглашение миссис Стайвезант Фиш.

– Вы приглашаете Мэйми? – в ужасе вскричал Уорд, налегая на трость. – Но Стайвезант Фиш скотил свое состояние на железных дорогах. Если вы пригласите Мэйми, обратного хода уже не будет. Вы официально откроете ей дорогу в высшее общество.

– Пусть она лучше будет в высшем обществе, чем по другую сторону. Я не желаю нанимать симфонический оркестр Академии и их приму-сопрано каждый раз, когда Мэйми вздумается устроить вечеринку.

техникой бельканто и считалась соперницей самой знаменитой дивы викторианской эпохи Аделины Патти.

⁴ *Truite Meunière* (фр.) – форель мёньер (рыба, жаренная в масле с лимонным соком и петрушкой).

⁵ *Crevettes Au Beurre Blanc* (фр.) – креветки в соусе бёр блан (масляный соус из растопленного сливочного масла, белого сухого вина, белого винного уксуса, лука-шалота, лимонного сока, специй).

Глава 2

Альва

«Первый ежегодный пикник миссис Стайвезант Фиш откладывается до особого уведомления». Альва сидела за столом в малой столовой и рассматривала витиеватый каллиграфический почерк – выпуклые буквы, написанные черными чернилами на плотной писчей бумаге. Она перевернула открытку, словно надеялась на обороте найти объяснение. Это было единственное приличное приглашение за весь ньюпортский сезон, и его только что аннулировали.

Альва бросила записку Мэйми на стол, затем смела ее на пол и побрела по длинному коридору, где висели в ряд портреты – три поколения суровых мужчин, с усами и бакенбардами, из рода Вандербильтов. По мнению Альвы, Вилли Кей, чей портрет висел в конце, был самым красивым из них всех. Пожалуй, самым красивым из всех мужчин, которых она когда-либо встречала.

Она понятия не имела, кто он такой, когда впервые увидела его, издали, на поле Вестчестерского поло-клуба. Этот вид спорта только-только появился в Штатах, и Альва прежде на его матчах никогда не бывала, правил не понимала, но это было неважно. Атлетически сложенный мужчина с волнистыми темными волосами пленил ее воображение. Скача по полю, он сильным ударом клюшки послал деревянный мяч в ворота соперника. С трибун послышались одобрительные возгласы, и Альва встала, но не для того, чтобы поаплодировать: ей хотелось получше его рассмотреть. Она упростила Консуэло Иснага, свою единственную подругу детства, познакомить ее с ним. С близи он показался ей еще более красивым. Вскоре Альва и сама убедилась, насколько верно выражение «противоположности притягиваются». Она была натурой глубокой, он – легкомысленным. Она была бедна, он – богат. Консуэло невзначай упомянула, что дед Вилли, Командор, был мультимиллионером.

Альва продолжала бродить по коттеджу Вандербильтов (у семьи таких домов было целых три), где они с Вилли жили в период того светского сезона. Ей было непонятно, почему столь роскошный особняк называют коттеджем. Абсурд. Коттедж с девятнадцатью комнатами. Все как одна убраны в различных вариациях тех же сочно-зеленых, бледно-желтых и мягких коричневых тонов, что и комнаты в их городских домах. На мгновение Альва забылась, с восхищением созерцая амарантовую обшивку стен в малой гостиной, люстру с подвесками из флорентийского стекла в столовой, перила лестницы, инкрустированные жемчугом. В распахнутые стеклянные двери струились морской воздух и солнечный свет, омывавший золотистым сиянием гостиную в конце коридора. Альва остановилась и, прислонившись к колонне с каннелюрами, снова задумалась обо всех ньюпортских приемах, на которые ее не пригласили, в том числе на пикник миссис Астор.

Не впервой ей было оставаться «за бортом», но ее это каждый раз заставляло врасплох: она вздрагивала, будто прикоснулась к огню. Альва рассчитывала, что бракосочетание с Уильямом Киссамом Вандербильтом решит эту проблему, что деньги его семьи вознесут ее на первую строчку в любом списке гостей. Как выяснилось, она глубоко заблуждалась.

Вилли Кей, как она ласково называла мужа, вместе с Джеймсом Ван Аленом находился на полигоне для стрельбы из лука. Поблизости никого не было, даже прислуги. Стиль жизни Вандербильтов, их вкусы, которые отличало стремление к чрезмерности, для Альвы все еще были относительно внове: за один стул они готовы были отдать сумму, превосходящую годовой доход многих семей. А то и больше. Альву кольнуло чувство вины. Постепенно она привыкала к комфорту, что обеспечивало богатство, нежилась в роскоши, как в благоухающей горячей ванне. И все же, думала она, этот дом слишком большой для двух человек и их прислуги. Когда

рядом никого не было, Альву окружала тишина, а она плохо переносила одиночество. С самого детства она без всякого стеснения жаждала присутствия публики, хотя бы в составе одного человека: не могла обходиться без слушателей, без чужого внимания. В доме без Вилли было ужасно тоскливо. Жаль, что сестры отказались к ней приехать. Упрямые, они остались в Нью-Йорке, заявив, что их воротит от пышности Ньюпорта.

Альве почудилось, будто она слышит внизу чьи-то шаги, но оказалось, что это океанский бриз захлопнул дверь на террасу. Она вернулась в малую столовую, взяла газету, которую уже пролистали мужчины. Сняв новые суконные туфли, положила голые ноги на стул, где обычно сидел Вилли, и принялась читать «Ньюпорт дейли ньюс», рассеянно накручивая на палец прядь своих рыжих волос. Альва знала, что теперь она леди, и ей не пристало совать нос в газету и теребить волосы, но ведь нужно же как-то скоротать время.

Она взяла ломтик тоста, густо намазанного сливочным маслом и малиновым джемом, но, стоило откусить от него, как лицо от подбородка до виска пронзила острая боль. Значит, она опять скрипела зубами во сне. Ее новая привычка. Порой по утрам она слышала, как шелкает челюстная кость каждый раз, когда она открывает рот. Но сейчас приятный вкус затмил боль. Джем был безумно ароматный, масло – как густые сливки, а тост воздушный и хрустящий – не то что плотный пресный ржаной хлеб, который она и ее семья ели на завтрак, обед и ужин просто для того, чтобы набить животы. На некоторые продукты Альва до сих пор не могла смотреть. К ним относились кукурузная мука, бобы, капуста и картофель. Они составляли основу ее питания на протяжении шести лет и все еще живо напоминали ей о поре ее полуголодного существования.

До того как стать Альвой Вандербильт, она была Альвой Смит, проживавшей в Мобиле (штат Алабама). После Гражданской войны, когда Альве было шестнадцать лет, мама ее умерла, а отец в течение года промотал все состояние семьи, довольно немалое по меркам не-Вандербильтов. И мир тотчас же отвернулся от внезапно обнищавших Смитов. Те, кто прежде называли себя их друзьями, теперь открыто чурались их, вычеркивали фамилию Смит из списка гостей, приглашаемых на барбекю и прочие светские мероприятия. Сестры Альвы, Армида, Дженни и Джулия покорились судьбе. Но Альва не смирилась. Альва отвечала ударом на удар: девчонку, посмевавшую презрительно отозваться о ее немодном платье, повалила на землю в парке. Если на улице кто-то из знакомых игнорировал ее, она непременно их окликала: «Ой, Мэри-Лу, кого я вижу! Прии-вет! Прии-вет, Мэри-Лу». Беды и напасти всегда лишь укрепляли ее боевой дух. Она поклялась, что Смиты вернут себе былую славу. Это ее долг перед матерью.

До Альвы донесся шум. На этот раз это был не ветер, а действительно кто-то пришел. Она спустила ноги на пол, отодвинула подальше от себя газету и выпрямила спину. Вернулись Вилли с Ван Аленом, неся в руках колчаны с луками. Ветер растрепал темные волосы Вилли, задрав вверх маленький чубчик; щеки его порозовели на солнце. Голубые глаза шурились, привыкая к комнатному свету. Уголки его губ были опущены, но Альва видела, что он улыбается чему-то, что сказал Ван Ален.

– ...я выиграл у тебя в честной борьбе, приятель, – говорил тот Вилли.

– Тебе виднее, – рассмеялся Вилли.

– Ну-ну, хорохорься, – хмыкнул Ван Ален, поправляя на глазу монокль. – Ты же у нас оптимист.

Альва улыбнулась, вспоминая, как на первых порах она была очарована акцентом Джеймса Ван Алена, пока не поняла, что британское произношение у него сделаное. Да и монокль – фальшивка. Обычная стекляшка. Он год провел в Англии и домой вернулся близоруким британцем. Но она его не осуждала. В отличие от остальных, которые сами манерно имитировали высокий слог английских аристократов. Даже Альва, когда ей это было угодно,

играла роль то красавицы-южанки, то, напротив, утонченной светской дамы, пересыпая свою речь французскими словечками.

– Вы, наверно, слышали, что рыбный пикник отменили? – спросил Ван Ален.

Альва показала ему открытку Мэйми.

– Жаль, что вас не будет с нами на пикнике миссис Астор.

– *Вас* пригласили? – Она бросила открытку на стол, надеясь, что ее фраза прозвучала не слишком грубо, но, увидев, как Вилли выгнул брови, поняла, что ей не очень удалось скрыть зависть. Хорошо хоть Ван Аллен как будто ничего не заметил.

– Пригласили, – подтвердил он. – Родители Эмили начинают отгаивать по отношению ко мне. Если повезет, меня посадят с ними за один стол. Это будет чудесно.

– Не унывай, дорогая. – Вилли наклонился и чмокнул жену в щеку. – Тебе же не нравятся морские моллюски.

Альва встала, пожалуй, излишне порывисто.

– С вашего позволения, мальчики, – она выдавила из себя улыбку, – я пойду поплаваю в море.

Взбегая по лестнице, чтобы переодеться, она услышала, как Вилли недоуменно произнес:

– Не понимаю, что на нее нашло. Она всегда говорит, что моллюсков не прожуеть.

Когда Альва поднялась в свою комнату, горничная выложила перед ней на выбор три фланелевых купальных костюма; к каждому прилагались шерстяные чулки и уличные тапочки. В шкафу висело еще более десятка купальников. А ведь было время, когда в ее гардеробе не нашлось бы и десяти платьев, не говоря уже про купальные костюмы. Альва выбрала комплект в черно-серую полоску. Она знала, что любой из них, намокнув, сразу начнет тянуть ее на дно – далеко не уплывешь. Ее это ужасно расстраивало. Мужчинам не было нужды прятать под одеждой каждый пяточок своего тела. Купальные костюмы не сковывали их движений, а она в своих купальниках в лучшем случае могла просто помочить ноги.

Альва попрощалась с Вилли и Ван Аленом и отправилась на пляж. На обсаженной деревьями улице ей повстречалась небольшая компания нарядных женщин. Оживленно беседуя, они степенно вышагивали, держа над головами зонтики. Альва им позавидовала. Обычная прогулка с подругами. *Как будто так и надо.* Иногда она прогуливалась с женщинами из клана Вандербильтов, слушая их болтовню о детях и родственниках, которых она в глаза не видела, о семейных преданиях, касающихся Командора. Ей поучаствовать в разговоре не предлагали, и в их обществе она чувствовала себя еще более одинокой, нежели наедине с самой собой.

На пересечении проспектов Рагглз и Бельвю она решила пойти в обход и свернула на тропинку, что вела к скалам. Наскальная тропа представляла собой более живописный маршрут. Постепенно она становилась все более извилистой, местами даже опасной, так что приходилось искать твердую опору. Но Альва, в душе по-прежнему девчонка-сорванец, которая любила рыбачить, играла в гольф и по утрам делала гимнастические упражнения с булавами, не боялась трудностей. Придерживая на голове шляпу, она грациозно переступала с камня на камень. В ушах пульсировал рокот океана, размеренный, как биение сердца. Вдалеке за поворотом виднелись скалы – массивные глыбы из черного сланца и песчаника. На одной из них Альва заметила чайку. Та расхаживала по скале с моллюском в клюве, который она роняла и роняла на камни, пока створки раковины не раскрылись. Тогда птица принялась выедать из нее сочное мясо. Вилли Кей был прав: моллюски ей не нравились. Альва отвела от чайки взгляд и увидела молодую женщину. Та сидела на уступе скалы и, локтями упираясь в колени, прятала лицо в ладонях. На ветру трепыхались широкие лиловые ленты ее шляпки. Судя по позе девушки, она плакала.

– Эй вы там, наверху, что у вас случилось?

Женщина подняла голову, и Альва узнала в ней Эмили Астор. Красота девушки бросалась в глаза даже издали, хотя лицо ее было заплакано, и Альва, как всегда, когда видела

Эмили, снова подумала: «Господи, до чего же хороша!». Разве у обычного человека могут быть такие огромные темные глаза, прямой точеный нос, столь прелестные губы?

– Прошу вас, оставьте меня в покое. – Эмили опять опустила лицо в ладони, и ее плечи затряслись.

Альва прищурилась на солнце.

– Будьте осторожны, когда станете спускаться.

– Пожалуйста... просто оставьте меня в покое.

– Ладно. Хорошо. – Альва хлопнула себя по ногам и продолжала путь, удивляясь самой себе: зачем она вообще ее окликнула? Джеймс Ван Аллен трижды представлял Альву и Эмили друг другу, и Эмили каждый раз говорила: «Рада знакомству». И Альва знала, от кого она переняла такое отношение. Ее мать, могущественная миссис Астор, всегда смотрела на Альву, как на пустое место, словно она не заслуживала и секунды ее внимания.

Казалось, пренебрежение окружало Альву со всех сторон. И так было всегда, с самого детства, сколько она себя помнила. Когда ей было четыре года, ее брат, тринадцатилетний подросток, умер от чахотки. Отец сидел в церкви и плакал, от горя у него тряслись плечи. Уткнувшись лицом в сгиб локтя, он громко вопрошал Господа, почему у него отняли сына, а не одну из дочерей. Подавленная Альва убежала из церкви и спряталась на хлопковом поле, где она хоронилась, пока Армида, не притащила ее в дом – чуть ли не волоком. После этого Альва на отца смотреть не могла, зная, что сына он любил больше, нежели ее саму и ее сестер, – *если* он вообще любил дочерей. Это был непреложный факт, но Альва отказывалась его принять. Дочь ничем не хуже сына. И она поклялась, что докажет это отцу, всем докажет. Не позволит, чтобы ее попирали, относились к ней как к человеку второго сорта. Но Альва опережала свое время. К таким, как она, мир не был готов. Мама наказывала ее за то, что она играла в таунбол и лазала по деревьям. Потом, из-за того, что они были бедны, ее лишили возможности присутствовать на бале дебютанток. Позже, из-за того, что она девушка, ей не позволили поступить в колледж и изучать такие предметы, как политология и архитектура. Теперь вот ей нельзя присутствовать на пикнике миссис Астор, но не потому, что она – женщина или недостаточно богата – просто, что называется, «недостаточно хороша» для них. «Недостаточно хороша» – вот и всё.⁶

В такие минуты Альва спрашивала себя, зачем она вообще стремится войти в светское общество. Впрочем, ответ она знала. Светское общество являлось единственным поприщем, где женщины не были обязаны отчитываться перед мужчинами. Они создали собственный маленький мирок, где властвовали законы, установленные его собственными правителями. Единственное поле деятельности, где ее слово могло бы иметь вес. Если она хочет добиться уважения и влияния, необходимо проторить себе дорогу в высший свет.

В поднебесье пронзительно закричала чайка. Приближаясь к повороту тропы, Альва носком отшвырнула со своего пути голыш и вдруг увидела летящую со скалы шляпу. Шляпу с лиловыми лентами. Это был головной убор Эмили. А в следующую секунду она услышала истошный вопль, нечеловеческий, сродни визгу угодившего в капкан зверя. Вопль повторился. Альва рванула назад и увидела, что Эмили соскользнула со скалы на пять футов. Ее дальнейшее падение предотвратил очередной уступ. Сама она подтянуться наверх никак не могла.

– Не бойся, ты стоишь, – крикнула ей Альва. – Оставайся на месте. Не двигайся. Я иду. – С бешено колотящимся сердцем она переступала с камня на камень, не сводя глаз с Эмили. Та изо всех сил цеплялась за зубчатый выступ.

Подобравшись к ней поближе, Альва протянула девушке руку.

– Хватайся за меня.

⁶ Таунбол (town ball) – игра с мячом и битой, предшественница бейсбола, была популярна в Северной Америке в XVIII–XIX вв.

Эмили нащупала ладонь Альвы, но опять оступилась и, потеряв опору под ногами, прильнула к другому шершавому участку каменного склона, повиснув на высоте двенадцати футов. Альва вскрикнула даже раньше Эмили, пытаясь поймать ее ладонь. Обе тянули друг к другу руки, но их пальцы даже не соприкасались. Альва перескочила на камень, что лежал ближе к пропасти, и все-таки ухватила Эмили за руку. Сердце у нее в груди грохотало как отбойный молоток. Эмили тяжело дышала, раздувая и сдувая щеки, всем телом приныкая к скале, чтобы не упасть. Альве пока еще удавалось удерживать девушку, хотя ноги ее скользили.

– На помощь! – закричала она, чувствуя, как ее охватывает паника. – Кто-нибудь... помогите!

Но вокруг было безлюдно. Приходилось надеяться только на себя. Альва подобралась ближе к краю. Одну ногу она сумела вклинить между двумя лежащими внахлест камнями. Закрепившись таким образом, Альва ухватила Эмили за вторую руку, набрала полные легкие воздуха и что было мочи принялась дюйм за дюймом тащить ее наверх. Все тело стонало и ныло от натуги. Но вот наконец Эмили вне опасности. Пыхтя, обливаясь потом, женщины, обмякнув, лежали рядом на плоской каменной поверхности. Эмили била дрожь. Лицо у нее было грязное, измазано в крови; перчатки изодраны в клочья, платье разорвано на подоле и по бокам. Из порезов и ссадин на лбу, руках и ногах сочилась кровь. Альва и сама ощущала во рту соленый металлический привкус: должно быть, губу рассекла. Она отерла со лба пот и увидела на пальцах кровь. В ладони въелись песок и мелкие камешки.

Альва не знала, долго ли они так пролежали, отдуваясь, не в силах пошевелиться. Благодаря ее усилиям они обе были спасены, но тем не менее она ждала, что кто-нибудь прибежит к ним на помощь. И лишь через некоторое время сообразила, что ей опять придется полагаться на себя.

Альва помогла Эмили подняться с камня и, убедившись, что переломов у нее нет, поинтересовалась, зачем она забралась так высоко на скалы.

– Разве не знаешь, что можно разбиться насмерть, упав с Наскальной тропы?

Эмили не ответила. И Альва прекратила расспросы.

Вдвоем они медленно побрели по острым камням. Эмили буквально висела на Альве. Та через каждые несколько шагов была вынуждена останавливаться, чтобы поудобнее обхватить девушку, оттягивавшую ей плечо. Казалось, они целую вечность добирались до мощеной дорожки. Эмили к тому времени разговорилась, рот не закрывала, рассказывая про пикник, что устраивала ее мать, про Джеймса Ван Алена, снова про пикник. Альва остановилась и внимательно посмотрела на девушку. Та, широко распахнув глаза, умолкла на полуслове с открытым ртом.

– Что такое? – спросила Эмили. – Что не так?

– Ничего. – Альва с улыбкой покачала головой.

– Нет, ты скажи. В чем дело?

– В тебе. – Альва ткнула в девушку пальцем, чувствуя, как ее саму распирает от смеха.

– *Во мне?* А что такое? Скажи. Ну, объясни же, пожалуйста. Я сказала что-то смешное?

Что-то не то сделала? Ну что же, что?

– А вот как раз то... что ты сейчас делаешь! – Альва громко рассмеялась, прикрывая рукой рот. – Вер... верещишь.

– Я не верещу, – оскорбилась Эмили.

– Верещишь, еще как, – возразила Альва, завывая от смеха. – Прости... прости, – извинилась она, силясь перевести дух. – Просто я... никогда бы не подумала, что вы, Асторы, способны *верещать*. Выходит, ничто человеческое вам не чуждо.

Эмили прижала к губам кончики пальцев, и Альва прониклась уверенностью, что нанесла смертельную обиду чопорной мисс Астор. И вдруг у Эмили задрожали плечи, и она звонко захохотала.

– Очевидно, вы также икаете, храпите и так далее, – в общем, делаете все то неприглядное, что свойственно обычным людям.

Эмили снова прыснула от смеха.

– Ой, не смеши... больно же.

Обе захохотали пуще прежнего. Одной рукой поддерживая Эмили, Альва согнулась в три погибели, не в силах произнести ни слова.

– О боже, прекрати. – Эмили отирала слезящиеся глаза, пытаясь отдышаться.

Когда они наконец успокоились, маятник неожиданно качнулся в другую сторону: Эмили посерьезнела, помрачнела.

– Я сегодня чуть не погибла, да?

– Ну, не погибла же. – У самой Альвы комок стоял в горле.

– Ты спасла меня, рискуя жизнью, – промолвила Эмили, словно только теперь осознала это. Взяв Альву за руки, она добавила: – Я никогда этого не забуду. Честное слово. Спасибо.

Альва всегда терялась, не зная, как себя вести, когда при ней кто-то позволял себе расчувствоваться. Обычно она разряжала атмосферу шуткой или меняла тему разговора. Сестры и Консуэло всегда упрекали ее за это. Да и Вилли тоже. На этот раз она воздержалась от комментария.

Храня молчание, она помогала Эмили идти по тропе. Стараясь сильно не сгибаться под ее тяжестью, следила за тем, чтобы девушка не упала. Тем временем Эмили снова разболталась – щебетала о Джеймсе и о том, что ей очень хочется выйти за него замуж; на все лады расхваливала Альву: с ней так весело, давно она так не смялась.

Альва слушала вполуха, в голове у нее зрел блестящий план. Примерно пятьдесят ярдов назад ее осенило, что ей улыбнулась судьба: представилась возможность познакомиться с миссис Астор – причем при самых выгодных для нее обстоятельствах. Она доставит Эмили домой, благополучно вернет дочь матери. Миссис Астор будет преисполнена благодарности, сочтет, что она в долгу перед Альвой за то, что та спасла ее дочь. Растроганная, она позабудет про свое высокомерие и настоит, чтобы спасительница ее дочери непременно присутствовала на пикнике, откроет перед ней двери в высший свет.

Они добрали до пересечения проспектов Виктории и Бельвю.

– Спасибо, – поблагодарила Эмили, поворачиваясь к Альве. – За все. – Девушка отстранилась от нее и, морщась, попыталась заковылять прочь.

– Подожди... – остановила Альва Эмили, хватая ее за руку. – С больной лодыжкой ты далеко не уйдешь. Я тебя доведу.

– Не надо, – замотала головой Эмили. – Я сама. За меня не волнуйся. Я справлюсь.

– Не глупи. Ты на больную ногу ступить не можешь. Я помогу тебе дойти до дома, объясню твоей матери, что произошло, и...

– Нет! – вскричала Эмили. – Мама не должна знать, что я была на Наскальной тропе. Она запрещает мне туда ходить.

– Но... – Голос Альвы сошел на нет. Она судорожно соображала, пытаясь спасти свой план, найти другой предлог. Без помощи Эмили ей не обойтись. Не может же она спустя какое-то время постучаться в дом миссис Астор и заявить: «Между прочим, я спасла вашу дочь от смерти, так что пригласите меня на свой пикник и примите в свой круг». Наверно, как-нибудь потом можно бы попросить Эмили, чтобы та представила ее матери, но этого будет недостаточно. Таким знакомством можно запросто пренебречь. Нет, ей нужно более значимое преимущество, чем просто «Здравствуйте». Альва все еще раздумывала, когда Эмили попыталась сделать шаг и едва не рухнула.

– Так, не дури. – Альва снова обхватила ее за талию. – Сама ты не дойдешь.

Эмили опустила глаза и кивнула, принимая помощь Альвы.

– Только маме про это ничего не говори, ладно? Пожалуйста. Обещаешь? – Эмили стиснула свободную руку Альвы. – Я прошу тебя. Как подругу.

Как подругу? Альва колебалась, чувствуя, как теплеет в груди. Она изнывала от одиночества и отчаянно нуждалась в подруге. Она и подумать не могла, что Эмили сочтет ее себе ровней. К огромному удивлению Альвы, Эмили ей *нравилась*, – и вовсе не потому, что она была дочерью миссис Астор. В действительности, как убедилась сегодня Альва, она была полной противоположностью той Эмили, какой представлялась ей в их прежние встречи. Альве импонировали ее простодушие и милый нрав. А как заразительно она смеялась!

– Пожалуйста? – В больших глазах Эмили застыла мольба.

Альва приняла решение. Можно использовать этот инцидент для того, чтобы получить доступ в светское общество, а можно обрести новую подругу. Глядя на Эмили, Альва кивнула.

– Теперь это будет наш с тобой секрет. Я буду молчать как рыба.

Глава 3

Светская хроника

В воздухе витают едва уловимые запахи моря. В этом городе все покрыто невидимыми кристаллами соли, словно позолотой, которую так любят представители ньюпортской элиты, и большинство из них – включая и нас – не думают о том, что под этим слоем идет медленный процесс гниения.

И все же никакой другой город не сравнится с Ньюпортом в летнее время. Полтора месяца светской жизни: ужины из шести блюд, приемы в саду, чаепития и обеды, балы до утра. Многие из нас привозят с собой примерно по девяносто платьев, чтобы хватило на весь сезон.

Днем, когда мужчины уходят на яхтах в море или играют в теннис, мы, леди, прогуливаемся по проспекту Бельвю: совершаем моцион, щеголяя в лучших дневных платьях и украшениях, непременно под зонтиками от солнца. Веснушки и загар – это вульгарно, их появления нельзя допустить любой ценой.

Светские дамы из никербокеров совершают прогулки в экипажах, отдельным кортежем, во главе которого, разумеется, миссис Астор. Вот она как раз проезжает мимо нас, и мы замираем практически по стойке «смирно», хотя она едва ли замечает нас. Днем здесь жарко, тяжелые корсеты и нижние юбки липнут к телу, словно вторая кожа; уложенные в прически волосы обвисают под широкополыми шляпками. Завтра мы тоже будем стоять здесь, на этом самом месте. И все будет то же самое, кроме наших нарядов.

Глава 4

Каролина

По проспекту Бельвю Каролина в экипаже возвращалась домой с ежедневной прогулки. Сегодня ее сопровождала Шарлотта, что было в высшей степени необычно.

Неужели у ее дочери внезапно проснулся интерес к светскому обществу? В свои восемнадцать лет Шарлотта предпочитала ходить под парусом и охотиться вместе с отцом, а светская жизнь ее совершенно не привлекала. Каролина бросила взгляд на ее руку в перчатке; дочь с нетерпением барабанила пальцами по ручке зонтика от солнца, словно дожидаться не могла конца прогулки. Но тогда зачем она сама напросилась поехать с матерью? Зачем нарядилась в одно из лучших дневных платьев с вырезом, украшенным атласными рюшами? Зачем заколола наверх свои белокурые локоны и надела любимую шляпку? Каролина пристально смотрела на лебединую шею дочери, на которую падала светлая прядь, выбившаяся из-под шляпки.

Шарлотта, должно быть, почувствовала взгляд матери: она повернулась к ней, плотно сжала губы и снова отвернулась. Завладеть вниманием Шарлотты, разговаривать с ней было трудно, даже сейчас, когда она сидела рядом. Каролина хотела что-то сказать, но момент был упущен. Она снова откинулась на спинку сиденья, расслабилась под медленный ритм движения открытого экипажа, слушая цокот копыт по мостовой и позвякивание удил, глядя по сторонам. Ветерок доносил запахи моря, к которым примешивался запах конского навоза.

На повороте Каролина ощутила резкий толчок, ибо им навстречу, откуда ни возьмись, вылетела четырехколесная повозка, которой управляла женщина. На огромной скорости коляска просвистела мимо. Их лошади испуганно заржали, встали на дыбы. Каролину и Шарлотту на заднем сидении стало швырять из стороны в сторону, зонтики и шляпки попадали на пол. Вскоре кучер, усмирив лошадей, остановил экипаж (и всю процессию), спрыгнул с козел и подошел к ним, чтобы проверить, не пострадали ли его пассажиры.

– Примите мои извинения, – произнес он, сняв картуз, отчего его темные прямые волосы упали ему на глаза. – Надеюсь, вы не ушиблись.

– Все нормально, Дункан, – Шарлотта подняла с пола шляпку, надела ее и поправила волосы. – Спасибо.

– Дай женщинам вожжи в руки, – пробормотал он.

«И то правда», подумала про себя Каролина, вспоминая, как когда-то сама управляла упряжкой. Много лет назад она обожала сидеть на козлах, подставляя лицо ветру, крепко держа вожжи в руках, облаченных в жокейские перчатки, и во всю прыть гнать четверку лошадей. Стоявшие на обочинах люди аплодировали, когда она проносилась мимо. Сейчас, конечно, за вожжи она не берется, ведь у нее много других занятий – крокет, теннис, ну и так далее.

– Вы точно не пострадали? – допытывался Дункан. – Никто не ушибся?

– Даже царапин нет, – ответила Шарлотта. – Ты так умело обуздал лошадей. – Она сверкнула лучезарной улыбкой, он тоже улыбнулся в ответ, поклонился и, надев картуз, взобрался на козлы.

Ах, вот в чем дело! Шарлотту интересовало не светское общество, а кучер. Каролина почувствовала, как у нее сдавило грудь.

– И как это понимать? – спросила она, когда вереница экипажей двинулась дальше.

– Что именно?

– Что это ты так любезничаешь с кучером?

– С кем? А, с Дунканом? – уточнила Шарлотта, как будто речь могла идти о ком-то еще. – Он ужасно симпатичный, правда? Даже Хелен так считает, хотя она без ума от Рузи.

– Шарлотта, прекрати. Ты ведешь себя самым неподобающим образом. – Каролина собралась было дать суровую отповедь дочери, но тут ее внимание привлекли две женщины. Опираясь друг на друга, они ковыляли по тротуару вдоль живой изгороди из голубого самшита, высаженного перед коттеджем Асторов. Одна из них, с рыжими волосами, была повыше второй – брюнетки. Обе прихрамывали. Обе были без перчаток, без шляпок, даже без зонтиков от солнца. Рыжеволосая женщина была в купальном костюме. Грязные, ободранные, они походили на бродяжек. Каролина решила, что это местные жительницы случайно забрели в район Бельвю, присмотревшись к женщине в платье, она вздрогнула. Знакомое платье. Взгляд Каролины пополз выше, к лицу женщины. И женщина знакомая. Нервы затрещали, рот раскрылся в беззвучном «ох».

Увидев выражение лица матери, Шарлотта обернулась.

– Что такое... что... о боже! – ахнула она. – Это Эмили? С кем это она? Что с ней стряслось?

Недоумение переросло в тревогу. Каролина поняла, что Эмили поранилась. Экипаж поворачивал на длинную подъездную аллею. Эмили и ее спутница, пошатываясь, ступили в крытую галерею.

– Эмили... – позвала Каролина. Не дожидаясь, пока Дункан поможет ей сойти с экипажа, она сама соскочила на землю. Подол платья зацепился за откидную подножку. Она дернула его, пытаясь освободить, и услышала треск рвущейся ткани. Не останавливаясь, Каролина бросилась к Эмили.

– Господи, дитя мое, ты сильно ушиблась? Что случилось?

– Она споткнулась, – ответила рыжая, с легким южным акцентом. – Запуталась в собственных ногах, представляете? – добавила она со смешком, будто ничего страшного не произошло.

Эмили припадала на одну ногу, по-прежнему наваливаясь на свою рыжую спутницу.

– Ты же хромаешь! – воскликнула Каролина, оттесняя рыжую от дочери. «Сейчас ей нужна ее мать, а не ты». – Переломов нет?

– Нет, просто ушиблась, – снова ответила рыжая, продолжая настырно опекать Эмили, как будто та была вверена ее заботам. Сама же Эмили пока еще не произнесла ни слова.

Каролина заметила у нее на лбу шишку, которая уже начала лиловеть, а возле брови – след от засохшей крови. Кончиками пальцев она убрала волосы с глаз дочери. Та выглядела испуганной, потрясенной.

– Шарлотта, – крикнула Каролина через плечо. Ее вторая дочь по-прежнему сидела в экипаже. – Найди Хейда. Пусть пошлет за доктором.

– Думаю, ей просто нужно лечь и отдохнуть.

«А вас никто не спрашивает», – уже собралась было отрезать Каролина, но тут заметила на лице рыжей женщины царапины и синяки, хоть и не такие ужасные, как у Эмили. Других повреждений она не увидела. Женщина теперь говорила о том, что хорошо бы сделать ванну с английской солью. Каролине совсем не нравилось, что эта наглая незнакомка лезет не в свое дело. Она хотела сама окружить Эмили заботой. Каролине казалось, что эта рыжая своей безумной трескотней заглушает даже ее мысли.

– Шарлотта, – снова позвала Каролина. Что это она себе позволяет? Сидит как ни в чем не бывало, болтает с кучером. – Шарлотта, найди Хейда. Пусть пошлет за доктором. Ну же, Шарлотта!

– Кстати, меня зовут Альва, – представилась рыжая, протягивая ей руку. – Альва Вандербильт. Я так рада, что наконец-то познакомилась с вами, миссис Астор.

Каролина не расслышала имя, но фамилии Вандербильт было вполне достаточно. Все, что она знала о клане Вандербильтов, ей не нравилось. Патриарх семейства, Корнелиус Вандербильт, которого все величали Командором, был известен недобросовестными методами веде-

ния бизнеса и ужасными манерами: он обманывал конкурентов, жевал с открытым ртом, прямо за столом ковырялся в зубах. Свое состояние Командор сколотил на строительстве железных дорог, а Каролина таких денег не признавала. Достойные деньги – это те, что получают по наследству, а не зарабатывают. Ей самой в наследство достался неплохой капитал, к тому же она вышла замуж за богатого человека. Каролина старалась не думать о том, что дед Уильяма, покойный Джон Джейкоб Астор, тоже *заработал* свое состояние – причем на торговле пушниной, – а в беспринципности и невоспитанности не уступал Командору. По сути, от Асторов Вандербильтов отличало лишь то, что Джон Джейкоб Астор начал свою деятельность раньше, лет за двадцать до того, как Корнелиус Вандербильт основал свое дело. Каролина отказывалась проводить эту параллель и никогда не упоминала о низком происхождении семейства Асторов.

А Вандербильт не умолкала:

– ... простите меня за мой внешний вид, – она потрогала свою фланелевую блузку. – Я шла на пляж, и...

– С вашего позволения, я хотела бы отвести Эмили в дом.

– Да, конечно. Конечно. – Рыжая Вандербильт обхватила Эмили с другой стороны. – Я помогу...

– В этом нет необходимости, уверяю вас.

Вандербильт отступила, но только после того, как из дома появился Хейд, за которым плелась Шарлотта. Он взял Эмили на руки и понес ее в дом.

– Рада знакомству, – крикнула Альва им вслед.

В дверях Каролина обернулась.

– Шарлотта, ты идешь?

Но Шарлотта уже снова стояла у экипажа, рядом с кучером.

* * *

В день пикника Каролина с особой тщательностью трудилась над своей внешностью, зная, что все взгляды будут прикованы к ней. К ней и ее семье. Эмили скрыла свои загадочные царапины на лбу под пудрой, но беспощадное солнце сводило на нет ее усилия. *Ах, какая пицца для сплетников.* А если б они еще знали, что Шарлотта вздыхает по кучеру... *Боже, для них это был бы настоящий пир!* Разумеется, светские дамы в присутствии Каролины будут сердечно улыбаться, лебезить перед ней, но, стоит ей отвернуться, и они примутся злословить об ее дочерях, обсуждать ее брак.

Странно, думала Каролина, что ее отношения с Уордом Макаллистером, нередко сопровождавшим ее на светских мероприятиях, ни у кого никогда не вызывали подозрений. Об этом не говорили ни слова. А вот если видели, как Уильям беседует с женщиной на площадке для поло или в яхт-клубе, это мгновенно вызывало нездоровый интерес.

Да пусть болтают. Каролина понимала, что сплетничать людям не запретишь, и, хотя гордость ее была уязвлена, она не падала духом. «Ничего, переживу», думала про себя Каролина. И когда придут ее двуличные гости, она выйдет к ним вместе с Уильямом и положит конец кривотолкам. А сейчас нужно быть готовой к тому, чтобы дать правдоподобное объяснение по поводу царапин на лице Эмили, – на тот случай, если кто-то проявит любопытство.

Из коридора донеслось характерное *тук-шарк-шарк, тук-шарк-шарк*, и вскоре в гардеробную, тростью толкнув дверь, вошла ее мать.

– Ты собралась *в этом* выйти к гостям? – спросила она.

Каролина рассматривала в зеркале свой туалет: темно-лиловый полонез с турнюром, вырез подчеркнут шелковой лентой, корсаж украшен атласными бантами.

– Лина, неужели я должна тебе напоминать, что истинная леди никогда не одевается по последней моде.

– Мама, ты так говоришь, будто я надела платье от Уорта.⁷

– Слава богу, что нет. Его модели не отличаются элегантностью. – Она переложила трость из левой руки в правую. Мать Каролины – Хелен Ван Кортландт Уайт Шермерхорн – в свои восемьдесят четыре года по-прежнему сохраняла царственную осанку. Волосы ее, некогда черные с блестящим отливом, давно побелели, лицо было изрыто морщинами, но бледно-голубые глаза не утратили зоркости: все подмечали.

– Ты не должна конкурировать с «новыми деньгами», Лина. Это ниже твоего достоинства. – Ее мать протянула руку за кусочком мыла в лавандовой бумаге. – Мне ужасно не нравится, что люди нашего круга подвержены влиянию нуворишей. – Она понюхала мыло, поморщилась и положила его на место. – Мне казалось, вы с мистером Макаллистером призваны защищать устои общества.

– Мы стараемся, мама, но времена меняются, и...

Каролина умолкла, услышав возмущенный вздох матери. После обычно следовала сводящая с ума конфронтация, из которой, Каролина знала, она не выйдет победителем. До сих пор ей ни разу не удавалось переспорить мать. Она отвернулась и стала подбирать серьги.

Каролина была сильной женщиной, но матери не ровня. У той волевой характер сформировался под влиянием трагических событий. Из своих девяти детей она похоронила шестерых. Из трех выживших дочерей две были слабы здоровьем и почти не вставали с постели. Оставалась одна Каролина – Лина, как ее называли в семье. Но мало быть живой и здоровой: от Лины всегда ждали, что она добьется величия и славы. Мать возлагала на нее большие надежды, и когда Каролине предложили встать во главе высшего света, именно мать настояла, чтобы она не отвергала представившуюся возможность.

– Ты должна встать на страже нашего общества и защищать его от вторжения нуворишей, – сказала она как-то Каролине, стуча своей тростью по полу. – Для этого у тебя есть все необходимое: хорошее воспитание, благородное происхождение – и средства. – *Тук, тук, тук.* – Ты должна взять бразды правления в свои руки и покончить с этими выскочками. – *Тук, тук, тук.* – Наш образ жизни призван порождать стремление к утонченности и благопристойности, а в этих самозванцах нет абсолютно ничего вдохновляющего...

Вот с такой проповедью выступила перед Каролиной мать еще в 1872 году, незадолго до того, как к ней явился Уорд Макаллистер, чтобы обсудить собственный план сохранения чистоты рядов привилегированного общества.

– Женщины в тиарах и диадемах, мужчины с толстенными сигарами и тростями... – с отвращением вещал он. – От них несет новыми сталеплавильными заводами и железными дорогами. Они пытаются с помощью заработанного богатства проникнуть в высший свет, и наш долг – не пустить их.

– И что же конкретно вы предлагаете? – спросила тогда Каролина, немного смущенная его пылкостью.

Оказывается, у него был свой план. Он объяснил, каким образом намерен отбирать членов высшего сословия, – так же, как это принято в среде английской аристократии.

– Мне потребуется хозяйка светского салона, самого высшего класса, такая, как вы, чтобы помочь мне открыть новую главу в истории светского общества.

Каролина умела не поддаваться на лесть.

– Почему именно я? – прямо спросила она.

– Я бы поставил вопрос иначе: почему *не* вы? Я просто не вижу вам альтернативы. Никакая другая дама не обладает столь тонким вкусом и такими изысканными манерами.

⁷ Уорт, Чарльз Фредерик (1825–1895) – английский модельер, основатель Модного дома Уорта», одного из ведущих домов моды XIX в. – начала XX в. Многие историки моды считают его создателем феномена «высокой моды». Кроме того, полагают, что Уорт совершил революцию в индустрии моды.

– Думаю, на самом деле вы не можете представить себе во главе общества даму, которая не обладала бы собственным капиталом.

– Что ж, пожалуй, это тоже одно из ваших преимуществ, – сокрушенно рассмеялся он.

В отличие от других светских львиц, Каролина владела собственным состоянием, которое перешло к ней после смерти отца. Ей не приходилось спрашивать разрешения у мужа на те или иные траты или представлять ему на утверждение еженедельный список хозяйственных и личных расходов. Подобная независимость была уникальной для женщины, она выделяла Каролину среди других светских дам. Это и помогло ей взойти на светский Олимп – это и еще отчаянное стремление угодить матери.

С той поры Каролина с Уордом часами просиживали в ее гостиной, выверяя списки гостей и схемы раскладки, обсуждая, какие сервизы и столовое серебро использовать для сервировки. Споры о том, какое подать вино, могли длиться целый час, а то и дольше. Уорд очень серьезно относился к вопросам светской жизни, и со временем Каролина тоже прониклась уверенностью, что в жизни нет ничего важнее светского общества. А вот Уильям полагал, что светская жизнь – это сушая ерунда. Лишь гораздо позже она поняла: возможно, Уильям надеялся, что она проявит интерес к какому-нибудь из его увлечений – парусному спорту, коневодству... Он нередко предлагал ей составить ему компанию как раз в то время, когда у нее было что-то назначено: званый обед или встреча, бал или оперный спектакль. Его приглашения всегда были некстати, и порой она задумывалась, что, возможно, он звал ее с собой, наперед зная, что она будет вынуждена ответить отказом.

Но ей никогда не приходило в голову, что она уязвляла самолюбие мужа, предпочитая ему общество других, особенно Уорда Макаллистера. Не думала она и том, что в ее календаре было гораздо больше записей, чем у него, и это тоже задевало его гордость. Все это ускользало от внимания Каролины, потому что для нее на первом месте было светское общество. Впервые в жизни ей удалось совершить нечто, чем ее мать могла гордиться. Наконец-то Каролина добилась огромного влияния, ее уважали и ценили не только как супругу и мать. Она настолько вжилась в свою роль хранительницы традиций светской элиты, что не сомневалась: если привилегированное общество прекратит свое существование, утратит значимость, то потеряется и она сама.

– Ну что ж, – промолвила ее мать. – Видимо, наш разговор бесполезен. Я буду внизу, в гостиной.

Мать ушла, а голос ее все звучал у Каролины в голове. Душевное равновесие было нарушено. Она сняла серьги и швырнула их на туалетный столик. Как это мать забыла сказать, что эти серьги слишком броские для женщины ее положения?

Минуту спустя она подошла к гардеробу, где висело простое синее платье без ленточек и оборок.

И сонеткой вызвала камеристку, чтобы та помогла ей переодеться.

Глава 5

Альва

В то время как Джеймс Ван Ален и все, кто хоть что-то собой представлял, собирались на пикник миссис Астор, Альва настраивалась на ужин с родными Вилли в коттедже его родителей. Будучи самым новым членом семейства Вандербильтов, в их обществе она все еще чувствовала себя чужой. Ей были непонятны их манеры, образ мыслей. Каждого отличало нечто, присущее только Вандербильтам – некий особый прагматизм, которому Альва затруднялась подобрать определение, да и суть его уловить тоже не могла. Она не всегда понимала их шутки, логику их рассуждений, приводившую к тому, что они перескакивали с темы на тему, словно поезда, перемещавшиеся с одного пути на другой. Порой ей казалось, что они говорят на незнакомом ей языке.

Альва находилась в своей гардеробной, стоя перед очередной дилеммой – решала, какой наряд надеть. Какому туалету отдать предпочтение: с опалами, с жемчугом и бриллиантами, с атласными и шелковыми лентами, с изящной кружевной отделкой, с вышивкой золотой и серебряной нитью? Ну как тут выбрать? Ей уже с трудом верилось, что некогда она довольствовалась двумя-тремя платьями, которые приходилось постоянно чинить. Воспоминания о той поре породили ужасающую мысль, засевавшую в сознании: *вдруг она всего этого лишится?*

Хоть Альва и знала, что Вандербильты – одна из богатейших семей в стране, былой страх не исчезал. Уже видел однажды, как улетучивается нажитое состояние, она не исключала повторения подобного. По этой причине из своего солидного еженедельного содержания Альва откладывала по несколько долларов. Деньги она хранила в шляпной коробке, которую прятала в самой глубине платяного шкафа. На всякий случай.

Из-за страха остаться ни с чем Альва никогда не приберегала лучшее напоследок. Боялась, что любая отсрочка лишит ее того вожаденного, что она держит в руках. Не желала откладывать свое счастье ни на секунду. Она жаждала лучшего и не собиралась довольствоваться чем-то промежуточным или неудовлетворительным, дабы наконец получить то, чего алкала ее душа. Награда ей нужна была сразу, и она не понимала, зачем сестры мучают себя, едят безвкусные овощи, сухое жесткое мясо и склизкий вязкий рис, чтобы заслужить вкусный десерт. Сама она, наверняка зная, что ей попадет, все равно сначала украдкой съедала пирожные, пудинги, торты.

– Альва? – окликнул ее снизу Вилли Кей. – Поторопись, дорогая. Мы не должны опоздать на ужин.

– Я почти готова, – отозвалась она. Перебирая свой гардероб, Альва остановила взгляд на платье, которое планировала надеть на пикник Мэйми. В нем она пошла бы и на пикник миссис Астор, если бы ее пригласили.

Она взяла это платье, приложила его к себе, дабы удостовериться, что вырез не слишком глубокий, а рукава достаточно длинные, скроют ее царапины и ушибы. Слава богу, синяк на лице уже превратился из багрового в желтый и был едва заметен. Немного припудрить, и вообще видно не будет. Однако мышцы и сухожилия до сих пор болезненно отзывались на каждое движение, хотя со дня инцидента прошла уже неделя.

Однако физическая боль была несравнима с той, что причинила ей в тот день миссис Астор. Эта рана не заживала. Правда, миссис Астор можно было понять: она не знала, что Эмили разбилась бы насмерть, сорвавшись с Наскальной тропы, если бы Альва не подоспела ей на помощь. Да, миссис Астор ни о чем таком не ведала, но почему она к Альве отнеслась как к разносчику, доставившему посылку? Кто дал ей такое право? А Эмили, разумеется,

настолько боялась матери, что слова не вымолвила. Спустя два дня Джеймс Ван Ален передал ей от Эмили записку. Девушка в очередной раз благодарила Альву и выражала надежду на скорую встречу. Ни слова о матери или о предстоящем приеме.

Альва подошла к зеркалу, рассматривая ссадину на локте, на которой образовался струп. Как же ей хотелось содрать корку! Удержаться от этого было труднее, чем выполнить обещание, данное Эмили.

При всех ее недостатках – а Альва знала, что она далеко не ангел – к своим обещаниям она относилась серьезно. От нее миссис Астор никогда не узнает, что она спасла жизнь ее дочери. Свое слово она не нарушит, а значит, придется найти другой способ, чтобы привлечь к себе внимание гранд-дамы.

Глава 6

Каролина

Оркестр разыгрывался, музыканты настраивали свои скрипки, альты и прочие инструменты. Кристина Нильсон, в шелковом платье цвета слоновой кости, стоя в стороне, распевалась – *A-a-a-a-a, A-a-a-a-a*. Старший лакей Каролины, в элегантной зеленой ливрее, сшитой специально для этого приема, на входе проверял приглашения у прибывающих гостей, прежде чем пропустить их на пикник. Второй лакей, тоже в ливрее, стоял рядом, прикрепляя белые бутоньерки на лацканы джентльменов. На газоне, с которого открывался вид на скалы, были расставлены шестьдесят круглых столов с золочеными стульями. Края даматовых скатертей, которыми были застелены столы, колыхались на ветру; украшенные изображениями ангелочков кольца из 14-каратного золота не давали разлетаться салфеткам. По бокам от фарфоровых тарелок лежали серебряные приборы. И в центре каждого стола благоухали по дюжине «американских красавиц». С этими цветами страну познакомила Каролина. Стоили они по два доллара за штуку – редкое роскошество. Немногим дамам, устраивавшим большие приемы, удавалось убедить своих мужей в необходимости трат на столь дорогое великолепие.

Обычно приемы Каролины начинались не раньше одиннадцати вечера, но пикник был назначен на четыре часа дня. На восемь был запланирован ужин, потом – танцы до рассвета и два шведских стола: первый в полночь, второй – в шесть утра.

Сейчас солнце находилось высоко в зените, и жара была почти нестерпимая. Каролина вместе с Уордом Макаллистером встречала гостей, стоя во дворе неподалеку от входа. В числе первых ей почтение засвидетельствовал брат мужа.

У Джона Джейкоба Астора III волосы были темно-каштановые, но в щетинистых бачках и усах уже серебрилась седина. Он шагнул к ней, взял ее за обе руки.

– Каролина, – только и произнес ее деверь в знак приветствия.

Большого она не ожидала и ответила ему в тон:

– Джон.

Следующей подошла золовка Августа. У нее было квадратное, как коробка, лицо и красивые синие глаза, которые приковывали к себе внимание, так что изъяны оставались незамеченными.

– Письмо... – проронила Августа. Скривив губы, она с жалостью посмотрела на Каролину, сказав этим все остальное. – Я молюсь за тебя. И за Уильяма.

В ее словах слышалось злорадство, словно она с особым удовольствием писала ей то письмо. Каролина плотно сжала губы и вскинула подбородок, вспоминая ту Августу, которая некогда любила охоту и коллекционировала оружие, пока не променяла эти свои увлечения на Библию. Сколько раз она ставила Уолдорфа на колени, заставляя сына каяться в том, что он пел или хоронился в кухонном лифте, играя в прятки с кузенами и кузинами в воскресный день?

Следом за Августой отметился Уолдорф. Красивый амбициозный парень, мечтавший получить место в сенате США, хотя ему еще не было и тридцати лет.

– Тетя Лина. – Он небрежно чмокнул ее в щеку и пошел прочь. Такой же спесивый, как и его родители, подумала Каролина.

Она переключила внимание на остальных гостей и с удовлетворением отметила, что они не скучают. Женщины, любясь красивыми видами на скалы, аккуратно снимали перчатки, чтобы отведать креветки или устрицы, а затем так же аккуратно снова их надевали; мужчины, придерживая соломенные шляпы, играли в бильбокет или крокет. Юные леди порхали по

двору, записывая в карточки на запястьях имена джентльменов, которые ангажировали их на танцы, когда откроют двери бального зала.

Гостей – а их было много – Каролина приняла, и теперь надеялась, что во дворе к ней присоединится Уильям, но его нигде не было видно. Вместо мужа компанию ей составили Уорд Макаллистер и – кто бы мог подумать! – Мэйми Фиш. Впрочем, Каролина и сама собиралась глаз с нее не спускать. Мэйми, она знала, рассчитывала закрепиться в свете и занять ее место. Но Каролине она была не соперница. Нужно быть более проницательной и властной женщиной, чтобы сместить ее со светского Олимпа.

Каролина с любопытством наблюдала за Мэйми. Ее платье так густо было усыпано бриллиантами и жемчугом, что она с трудом передвигалась. Под широкими полями шляпы, кроме нее самой, могли бы укрыться от солнца еще и Каролина с Уордом. От нуворишей столь вульгарная демонстрация богатства была вполне ожидаема, но ведь и светские дамы, отметила Каролина, щеголяли в не менее вычурных туалетах. Куда бы Каролина ни кинула взгляд, ее слепил блеск искрящихся на солнце драгоценностей. Все словно помешались на нарядах Уорта. Ныне драгоценные камни и безделушки являлись неотъемлемыми атрибутами облика светской дамы, ее визитной карточкой.

Каролина глянула на свое платье, жалея, что переоделась. В кои-то веки ее мать оказалась права. *Времена менялись*, и Каролина разрывалась между двумя мирами – миром матери и своим собственным. Правда, со своим миром она не знала, что делать. Как предводительница светского общества она так старательно следила за соблюдением этикета и традиций прошлого, что даже не задумывалась о введении новшеств. Исполняя отведенную ей роль, она демонстрировала много талантов и волевых качеств, но новаторство не было ее сильной стороной. Порой ей казалось, что она стоит и стоит перед чистым холстом, как бездарный художник, абсолютно лишенный воображения. Она не умела смотреть в будущее. Не предвидела, что женщины начнут одеваться так эксцентрично, как теперь. А что если бы и она появилась на пикнике в платье от Уорта? *Что с того?* Возможно, это выглядело бы свежо, она повернулась бы к гостям своей менее чопорной стороной. От матери одобрения все равно не дождешься, что бы она ни надела, и, учитывая сплетни, что ходят вокруг ее брака, сегодня ей было бы самое время блеснуть.

Компания мужчин в летних полотняных костюмах и канотье на краю газона играла в волан. Муж Мэйми, Стайвезант Фиш, принимавший участие в игре, едва не столкнулся с Огюстом Бельмоном. Оба размахивали ракетками, как ошалелые, но никак не могли попасть по мячу. Мэйми, увидев это, захохотала. *Нда, ну и смех!* Многие гости стали озираться по сторонам, высматривая источник *шума*.

Все, с нее достаточно, решила Каролина. Она извинилась и направилась к каменной лестнице, с которой весь двор был виден как на ладони. Ища глазами Уильяма, Каролина заметила, что ее младшенький, Джек, опустошает поднос с канапе, который держал один из лакеев. У мальчика был неутолимый аппетит. В двенадцать лет он ел больше многих взрослых мужчин. А ведь из всех ее детей он родился самым маленьким – чуть более пяти фунтов. Порой она винила себя в том, что закармливает сына, но врач заверил ее, что мальчик просто растет. И все же, обеспокоившись, Каролина призвала гувернантку.⁸

– Не подпускай Джека к закускам. Если он будет так объедаться, его стошнит.

Гувернантка бегом кинулась по газону к Джеку, чтобы его отчитать. Перед тем, как она оттащила его от подноса, он напоследок успел схватить еще одну креветку.

Каролина все никак не могла найти Уильяма. Она не видела его с тех пор, как начали прибывать гости, и это был недобрый знак. Она опасалась, что он где-нибудь беспорядно

⁸ 5 фунтов = 2.267 кг

плет, а гости обсуждают его очередную интрижку. Единственный способ пресечь сплетни – это выйти к гостям вдвоем, рука об руку, с улыбками на губах.

Она вошла в дом, надеясь найти мужа в одной из комнат. Когда проходила мимо дворцового, застывшего в величественной позе в большом холле, тот, не дожидаясь ее вопроса, доложил:

– Мистер Астор в библиотеке с мисс Шарлоттой.

Разумеется, Уильям находился в библиотеке, сидел в кресле. Рядом стоял бокал виски. Шарлотта была с ним, вдвоем они играли в карты.

Шарлотта была любимицей Уильяма. Он звал ее Чарли, учил рыбачить, играть в гольф, стрелять и чистить оружие, – в отличие от других своих детей. Во многом Шарлотта была для него сыном даже в большей степени, чем Джек.

– Кто выигрывает? – спросила Каролина, задвигая за собой дверь.

– Ничья, – ответил Уильям.

– Уже нет. – Шарлотта бросила на стол пикового короля и вырвалась вперед. Игра была окончена.

– Хорошо, что мы играли не в покер, – сказал Уильям. – А то бы она меня обчистила.

– О, покер! – загорелась Шарлотта. – Давай сыграем.

– Нет, нет и нет, – возразила Каролина. – Если вы заметили, мы принимаем гостей, и ты, юная леди, должна быть во дворе. Ты тоже, – добавила она, глядя на Уильяма.

– Ой, мама, что, это обязательно? Они там все такие скучные.

– Шарлотта.

– Я согласен с Чарли. Это *обязательно*? – рассмеялся Уильям, собирая карты в колоду.

Каролина и сама была бы не прочь остаться и сыграть с ними партию, отдохнуть от светской болтовни, обмена любезностями, от восхищенных и пристальных взглядов.

– Да, *обязательно*, – отрезала она. – Вы оба должны быть с гостями.

– Ну, – произнесла Шарлотта, – тогда, может, я сперва на конюшню загляну, проверю, чем занят Дункан...

– Шарлотта!

– Ой, мама, – залилась смехом девушка. – Да не волнуйся ты так. Это же шутка. Я бы *никогда* так не поступила. – Она встала с демонстративным видом, раскинув руки. – Смотри... я уже иду... видишь? Все, я пошла.

После ухода дочери Каролина повернулась к Уильяму. Тот все еще хохотал, тыча в нее пальцем.

– Видела бы ты свое лицо!

– Зря ты ей потворствуешь. Она слишком много внимания уделяет тому кучеру. Мне это не нравится, – заявила Каролина, с раздражением заметив, что одна книга на полке стоит не на своем месте. *Неужели так трудно выровнять их по высоте?* Она направилась к полке, чтобы переставить книгу. Со двора доносилась оркестровая музыка. – Чего ты ждешь? – спросила мужа Каролина. – Ты должен быть с гостями.

– Это твои друзья. – Уильям отложил в сторону колоду. – И потом, сомневаюсь, что кто-то из них заметит мое отсутствие.

– Ты обещал, помнишь? – Каролина хотела сказать что-то еще, но тут сдвижная дверь открылась, и в библиотеку вошел Джеймс Ван Ален. За его спиной появился Хейд. Шумно отдуваясь, словно он бежал за гостем по коридору, дворецкий принялся извиняться за вторжение.

Уильям махнул рукой, давая понять, чтобы тот не переживал. Каролина внутренне напряглась. Раз уж Ван Ален осмелился искать встречи с Уильямом, тому могла быть только одна причина, и она не желала быть свидетельницей их разговора. Это было выше ее сил.

– Что ж, джентльмены, не буду вам мешать.

– Останься. – Уильям метнул на нее сердитый взгляд.

Разумеется, в столь важный момент он не мог обойтись без поддержки жены. Вне сомнения, Уильям догадывался, о чем пойдет речь. С каждым годом у Каролины с мужем возникало все больше разногласий, и, если в чем-то они еще и были солидарны, так это в своей неприязни к Ван Алену. Хотя Уильям, безусловно, ругал ее за то, что она пригласила Ван Алена на пикник. Сейчас она и сама себя ругала за это. Демонстрируя послушание, как и подобает примерной жене, – что бывало нечасто, – Каролина опустила в кресло у окна.

– Прошу меня простить, – Ван Ален поправил на глазу монокль. – Сэр, я надеялся, вы согласитесь уделить мне минуту вашего внимания.

– Я занят. – Уильям осушил бокал с виски.

– Но у меня к вам дело огромной важности.

Уильям вздохнул. Он любил зло подшутить над кем-нибудь, и Каролина, заметив в глазах мужа характерный блеск, поняла: Ван Ален скоро пожалеет, что вообще переступил порог библиотеки.

– Что ж, в таком случае... – Уильям жестом подозвал дворецкого и протянул ему свой пустой бокал. – Хейд, мне новую порцию, и мистеру Ван Алену тоже налей.

Ван Ален учтиво вскинул руку.

– Вообще-то, я не пью...

– Вы не уважаете виски?! – недоверчиво воскликнул Уильям.

И Каролина, и Уильям прекрасно знали, что Ван Ален, при всех его недостатках, спиртным не злоупотреблял.

– Ну да, виски, – произнес Ван Ален, плохо скрывая охватившее его смятение. – Отличная идея.

– Да, Хейд, и бутылку оставь, – распорядился Уильям, протягивая Ван Алену напиток.

Дворецкий удалился, и Уильям приподнял бокал.

– За ваше здоровье, молодой человек.

Ван Ален из вежливости пригубил виски.

– Это – не чай, – сказал Уильям. – Если собрались пить, пейте. – Он чокнулся с Ван Аленом. Тот отпил большой глоток и поморщился. – Ну вот, хоть на что-то похоже. – И Уильям принялся разглагольствовать про «лучший виски, что он когда-либо пробовал», а сам все показывал Ван Алену на бокал, заставляя допить его содержимое.

В какой-то момент Ван Алену все же удалось вставить слово.

– Мистер Астор, миссис Астор. – Он кивнул обоим. – Я хотел сообщить вам о своих намерениях относительно вашей...

– Несомненно, у вас отличные намерения. Позвольте я вам долью. – Уильям взял бутылку.

– Нет-нет, мне хватит, спасибо. – Ван Ален прикрыл бокал рукой в перчатке.

– Глупости. – Уильям отпихнул руку Ван Алена и наполнил его бокал.

– Благодарю вас, сэр. – Ван Ален отпил еще глоток. – Дело в том...

– Вот человек, который умел оценить хороший бокал виски, – перебил его Уильям, показывая на фотографию своего деда, стоящую на каминной полке. – Джон Джейкоб Астор, – с гордостью добавил он. – Да, сэр, в виски он понимал толк.

– Кажется, Эмили об этом упоминала. – Джеймс слабо улыбнулся. – И, раз уж мы заговорили об Эмили, я хотел просить вашего... о черт, – ругнулся он, сбившись, потому что Уильям снова наполнил его бокал и жестом велел ему выпить. Ван Ален нехотя повиновался. – Как я уже сказал... – он поправил монокль, – я встречаюсь с вашей дочерью... – Он умолк и для храбрости еще глотнул виски. – В общем... понимаете, – бессвязно залепетал он. Потом: – Мистер Астор, мне ужасно нравится ваша дочь. Ужасно, ужасно нравится. Больше чем просто нравится, и...

– Скажите, – перебил его Уильям, – как поживает генерал?

– Генерал? – Ван Аллен так широко раскрыл глаза, что монокль чуть не выпал.

– Да-да. Ваш отец, генерал. Как он?

Уильям презирал генерала Ван Аллена.

– У отца все отлично. – Ван Аллен засунул два пальца в ворот сорочки, оттягивая его, и опять приложился к бокалу. Каролина отметила, что он уже пьет виски не морщась. – Вы должны знать, что я унаследую немалые деньги. Свыше миллиона, плюс... – Ван Аллен запнулся, словно потерял ход мысли. Прижал бокал к покрытому испариной лбу. – Как-то здесь стало душновато, вы не находите?

– *Душновато?* – Уильям скривил губы. – Нет, я не нахожу, что здесь *душновато*. Мне вполне комфортно. Дорогая, – обратился он к Каролине, – по-твоему, здесь *душновато?*

Ван Аллен снял перчатки и стал промокать ими лоб.

– Мне в-в-вдруг стало оч-чень жарко.

– Тогда, может, давайте, отложим разговор? – предложил Уильям. – По-моему, вы пьяны.

– Не-е-ет, нет, сссэр, вовсе нет, – возразил он заплетающимся языком. – Ей-богу, это любовь. Право, на свете нет человека, которого я любил бы сильнее, чем вашу дочь, с-с-сэр, и я пришел просить вашей руки.

– Простите, я не совсем вас расслышал. – Уильям подался вперед, приложив ладонь к уху.

– Я с-сказал, сэр, что пришел просить вашей руки.

Уильям, с коварной улыбкой на губах, откинулся в кресле.

– Боюсь, я не свободен.

– Не-е-ет, не-ет, не-е-е-ет. – Ван Аллен замотал головой. – Я хотел сказать...

– Я знаю, что вы хотели сказать, но вы не получите не только *моей* руки, но и руки *моей* дочери.

– Но, добрый господин, я...

– Вы, добрый господин, дубина или осел – это как вам больше нравится. Мне плевать на миллионы вашего отца, которые вы унаследуете. Асторы и Ван Аллены не могут породниться. Я не допущу, чтобы моя дочь вошла в семью стяжателей и проходимцев. Хейд? – окликнул Уильям дворецкого. – Хейд, убери его отсюда.

Дворецкий помог Ван Аллену подняться на ноги и повел его из библиотеки. Тот что-то бормотал и бормотал.

– Что ж... – Уильям торжествуя потерял руки, – это было забавно.

– Отличное представление, дружище, – усмехнулась Каролина. – Но вечер еще не окончен. Сейчас подадут ужин. И ты *должен* быть с нами.

* * *

Солнце опускалось за горизонт. Под музыку оркестра гости рассаживались за столами, на которых уже горели свечи. Их пламя мерцало на ветру, озаряя двор.

Семья Астор, а с ними и Уорд Макаллистер, занимала центральный стол. Каролина остро сознавала, что мать наблюдает за ней, как и она сама наблюдала за своими детьми. Ее дочери, унаследовавшие глаза Уильяма, были очаровательны. Две старшие девочки, Эмили и Хелен, погодки, внешне были очень похожи. Обе темноволосые, с выразительными темными глазами и ангельскими личиками. Их часто принимали за двойняшек. Кэрри, самая младшая, по примеру старших сестер, свои светло-каштановые волосы сегодня подобрала вверх, обнажив стройную длинную шею. Такую прическу она сделала впервые, и Каролина не без грусти подумала, что девочка слишком быстро взрослеет.

Вместо общей застольной беседы присутствовавшие переговаривались кто с кем. Каролина прислушивалась, улавливая лишь обрывки фраз, доносившихся с разных сторон. Муж о чем-то заговорщицки смеялся с Шарлоттой. Джек просил, чтобы ему подали первое. Ее

мать выражала ужас при виде Виктории Арден, незамужней женщины, явившейся на пикник в тиаре. На другом конце стола Хелен что-то говорила про Рузи.

– О, так он уже *Рузи*? – поддразнивающим тоном заметила Каролина. – Вне сомнения, мистер Рузвельт в последнее время проявляет к тебе большой интерес.

– Не больше, чем обычно, – улыбнулась Хелен и, зардевшись, потупила взор.

Такое поведение было в духе Хелен: она специально преуменьшила свои победы, чтобы не расстраивать Эмили. Рузи нравился всем, Джеймс Ван Аллен – никому. Из всех дочерей Каролины Хелен была самая правильная, семейный миротворец. Еще в детстве она готова была отдать деревянную куклу или рахат-лукум, лишь бы не рассорились Шарлотта и Кэрри. Или Шарлотта и Эмили. Даже Шарлотта и Джек. Раздоры между детьми никогда не обходились без Шарлотты.

Каролина сосредоточила внимание на Эмили. Та о Рузи и двух слов не сказала. Впрочем, как и обо всем остальном. Она нервничала, шныряя взглядом по двору. Может быть, подсчитывала розовые плюмажи на дамских шляпах или количество канотье, одновременно высматривая Джеймса Ван Алена. Догадывается ли Эмили, что он просил ее руки?

Лакей в ливрее дома Асторов вручил каждому меню из восьми блюд, названия которых были исполнены рельефным шрифтом. Мать Каролины вскинула брови, словно спрашивая: «А без этого никак нельзя?». Но ее брови взлетели еще выше, когда лакеи стали разносить первое блюдо – черную икру с устрицами на половинках раковины.

– Сервировка *à la russe* куда более элегантна, чем сервировка *à la française*, – прокомментировала ее мать.

Каролина слишком хорошо ее знала, чтобы принять эту реплику за комплимент. Она глотнула шампанского, настраиваясь на неприятный разговор.

– У европейцев принято подавать по одному блюду за раз, а не приносить все сразу, – добавила ее мать. – Конечно, это намного эффективнее. Вот скажи, Лина, сколько лакеев ты наняла только для этого?

– Мама, я уже объясняла... – Каролина глянула в сторону Мэйми. Та вилок для рыбы выскабливала устрицу. – Я сделала то, что должна была сделать. – Каролина поставила бокал. – Насколько я понимаю, розетки ты тоже не одобряешь.

– Я ничего не имею против бутоньерок и носовых платков, – парировала ее мать, величественно взмахнув рукой, – но если ты стремишься поразить своих гостей дорогими безделушками, тут я умолкаю.

Каролина плотно сжала губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не испепелить мать взглядом. Слишком много глаз было нацелено на их стол и на нее лично.

Ужин продолжался, за одними блюдами подавали другие. Когда принесли пунш по-римски, Уильям отодвинул в сторону свою чашку, и Джек тотчас же ею завладел – сунул свою ложку в сладкую кремообразную массу. Каролина не успела остановить сына. Уильям промокнул губы салфеткой и бросил ее на стол, затем повернулся к жене и произнес:

– Позвольте мне удалиться?

Она хотела ответить «нет», но муж не спрашивал у нее разрешения. Уильям уже поднялся и сделал шаг от стола. Удержать его не представлялось возможным: любые возражения вызовут у него протест. «Придется его отпустить», решила она, тщательно скрывая досаду. Только Уильям вошел в дом, Каролина увидела, что необходимо срочно улаживать более серьезную проблему.

Джеймсу Ван Аллену каким-то образом удалось вернуться на прием. С ужасом она наблюдала, как он, шатаясь и оступаясь, ковыляет по газону. Каролина не знала, что делать, но она немедленно встала из-за стола и поспешила к нему.

Ее племянник выскочил из-за стола и, схватив Ван Алена за лацканы пиджака, крикнул:

– Держись, приятель, не падай.

– Уолдорф, прошу тебя, – сказала Каролина, подходя к ним. – Довольно. Спасибо. На нас смотрят. Не надо привлекать лишнее внимание. – Но, конечно, было уже поздно. Гости, доедая вишневый десерт, с интересом следили за происходящим, словно это был еще один номер вечерней программы.

К ним подбежала Эмили.

– Джеймс? Джеймс, что... – она осеклась, схватившись за грудь. – Ты пил?

– Да, да, п-пил, – пробормотал Джеймс. Он рыгнул и закачался, повесив голову. – Я очень устал, – сказал Ван Ален, пристраиваясь задом на один из столов, за которым сидели гости Каролины. Те поспешили покинуть свои стулья.

Один из лакеев схватил Ван Алена и опять повел его с пикника. Уолдорф придержал Эмили. Та вырвалась от кузена и решительно зашагала к дому. Каролина, неестественно улыбаясь, последовала за дочерью. Нагнала она ее уже в библиотеке, где Эмили предъявляла претензии отцу.

– Ты ведь знаешь, что Джеймс не пьет, – говорила она. – Но специально напоил его и выставил на посмешище.

– Дорогая, с этим Джеймс Ван Ален прекрасно справляется без моей помощи.

– Да как ты не понимаешь, он хочет жениться на мне, а я хочу выйти за него замуж. Я стану его женой.

– Только через мой труп.

Негодование Эмили сменилось растерянностью, глаза мгновенно заволочла пелена слез, и она, закрыв лицо ладонями, разрыдалась. Каролине было жаль дочь, но она испытывала облегчение: Джеймса Ван Алена они больше не увидят.

Глава 7

Альва

– Ну наконец-то! – Свекор Альвы, Билли, бросился к ним навстречу, словно табун лошадей, и едва не сбил с ног, когда они с мужем ступили в гостиную по прибытии на ужин в коттедж Вандербильтов. Было очевидно, что приятную наружность Вилли Кей унаследовал от матери, Луизы Киссам, ибо отец его телосложением был плотный и коренастый. Билли поцеловал невестку в знак приветствия, своими жидкими бакенбардами пощекотав ее щеку.

На большой семейный ужин собрались все Вандербильты, включая Командора. Сутулый старик с пучками белых, как хлопок, волос на голове, он пришел в сопровождении своей второй жены, Фрэнсис. Фрэнк, как все ее называли, была на сорок лет моложе самого Командора и на целых двадцать младше некоторых из своих падчериц. Она состояла в кровном родстве с мужем – приходилась ему троюродной сестрой, но этому никто не придавал значения, поскольку в первый раз Командор и вовсе женился на двоюродной сестре.

Один из лакеев протянул Командору поднос с аперитивом. Тот взял бокал с хересом, отшвырнув салфетку.

– Хм-м, – неодобрительно протянул он, глядя на сосуд из рифленого стекла. – Что за ерунда!

Командор не выносил общества и презирал светские манеры. Дед Вилли вырос в Статен-Айленде. Происходил он из бедной семьи и был вынужден работать по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, чтобы наладить свое предприятие паромных перевозок. В ту пору про этикет никто не думал. Командор в два глотка осушил свой бокал с хересом.⁹

Билли взял аперитив и приподнял бокал, чувствуя старшего сына, Корнелиуса II. Вдвоем они заговорили о новой железнодорожной линии, которая, когда будет построена, принесет семейству еще один миллион. Альва навострила уши. *Еще один миллион.* Она до сих пор не могла привыкнуть к тому, что Вандербильты швырялись огромными суммами денег, словно горстями монет. Было бы неплохо, если бы часть тех денег пошла на достойное дело, но Командор не признавал филантропии. «Пусть другие добиваются того, чего добился я, и им не придется ходить с протянутой рукой», – частенько говаривал он.

Альва делала вид, будто не прислушивается к беседе мужчин. Вместе с сестрами Вилли, Маргарет и Флоренс, она стояла подле жены Корнелиуса, Элис. Всего на десять лет старше Альвы, Элис Вандербильт мнила себя матриархом семейства, хотя мать Вилли была еще жива и в добром здравии. У Элис было довольно-таки интересное лицо – удлиненное, худощавое, с падающими на лоб мелкими кудряшками. Из-за того, что глаза были маленькие и узкие, создавалось впечатление, что она постоянно щурится. Женщины внимательно слушали ее рассказ о том, как два ее маленьких сына, Билл и Нили, строят игрушечную железную дорогу.

– Должно быть, это у них в крови, – заметила Альва.

– Разумеется. – Элис взглянула на Альву так, будто та сморозила глупость, да еще и непристойную.

Пока Альва раздумывала над ответом, в комнату ввалился мужчина непрезентабельного вида. В первую минуту она приняла его за грабителя, проникшего в дом, чтобы обчистить их карманы и освободить женщин от драгоценностей. Но никто не переполошился. Может быть, это разносчик или слуга, не надевший ливрею? И опять она ошиблась. Высокий долговязый

⁹ Статен-Айленд (Staten Island) – неофициальное название Ричмонда, одного из пяти административных районов Нью-Йорка, расположенного к югу от Манхэттена.

костлявый мужчина в сильно поношенном костюме оказался Корнелиусом Джеремайей Вандербильтом. Все звали его просто «Джеремайя».

– По-моему, мы не знакомы, – обратился он к Альве после того, как обошел всю остальную родню. Он напомнил ей бродяг, которые ночуют под открытым небом в закутках у входных дверей и крадут яблоки и виноград с повозок на Четырнадцатой улице и Третьей авеню. – Объясните, пожалуйста, какое отношение вы имеете к этому сборищу и всему остальному? – Он широким жестом обвел родных и гостиную с пышным убранством.

– Я – жена Вилли. А вы?

– Я, моя достойная леди... – он церемонно поклонился ей, – ...непутевый сын Командора.

– Не знала, что у Командора есть еще один сын.

– А я не знал, что у Вилли есть *жена*.

– О боже! – с притворным испугом воскликнула Альва. – Неужели мы ошиблись дверью, забрели на чужой званый ужин?

Джеремайя запрокинул назад голову и расхохотался, прижимая к груди ладонь. Пальцы у него были длинные и тонкие, за исключением двух на левой руке – бесформенных, искривленных, с узловатыми костяшками. Моргая, он каждый раз длинными ресницами задевал кончики волос, падавших на его голубые глаза со стальным оттенком. Несмотря на бороду, она разглядела в его чертах фамильное сходство. Правда, Джеремайя был больше похож на Командора, нежели на своего брата Билли.

– И где же вас прятали? – любопытствовала Альва. – Почему вы не пришли на нашу свадьбу?

– Меня не пригласили. Я же объяснил: я – непутевый сын. – В его голосе слышалась гордость, словно этот «титул» выделял его среди остальных. Лакей поднес им аперитив. Джеремайя взял с подноса два бокала и один протянул Альве. – Жесткий народ здесь сегодня собрался. Билли меня не выносит. И Элис тоже. Остерегайтесь ее. Вы ей совсем не нравитесь, ничуть. Я уже это вижу.

– Спасибо, что предупредили.

– Ну, – заговорщицки произнес он, – нам, белым воронам, лучше держаться вместе.

Альва в унисон приподняла бокал и брови. Джеремайя ей нравился, невзирая на то, что думали о нем остальные Вандербильты. Она мгновенно ощутила с ним родство душ. В том, что он стал изгоем в своей семье, как позже выяснит Альва, была не только его вина. Джеремайя страдал врожденной эпилепсией, и после первого припадка, с пеной изо рта и прочими характерными признаками, Командор поместил его в психиатрическую лечебницу. Выйдя из больницы, Джеремайя пристрастился к азартным играм и другим порочным увлечениям. Но это было много лет назад, и, по словам Вилли, с тех пор он исправился и вел себя вполне прилично. Во всяком случае, теперь он снова обрел благосклонность Командора.

Спустя двадцать минут ужин был готов, и все перешли в столовую, рассевшись за столом из красного дерева с бронзовой отделкой. Два лакея принесли огромные сервировочные тарелки, а также супницы и дымящиеся блюда из окуня, мяса каплуна и барашка. Комната наполнилась смешанными пикантными ароматами. У Альвы пропал аппетит, потому как темой застольной беседы избрали – подумать только! – пикник миссис Астор. Она отдала бы что угодно, лишь бы сейчас быть там, а не здесь.

– Говорят, они пригласили симфонический оркестр Академии из Нью-Йорка, – сообщила мать Вилли.

– Интересно, во сколько им это обойдется? – хмыкнул Корнелиус, записывая край салфетки за ворот сорочки.

– К слову об Академии, – сказала Элис, – если повезет, мы забронируем ложу на предстоящий сезон. По возвращении в Нью-Йорк я надеюсь договориться о встрече с импресарио.

Стол разразился одобрительными возгласами. Музыкальной академией назывался оперный театр в Нью-Йорке – источник существования никербокеров. Альва промолчала. Она знала, что последние три сезона Элис отказывали во встрече. Почему она решила, что в этом году что-то должно измениться? Выражение лица Джеремайи подтверждало ее мысли.

Альва внимательно наблюдала за своими новыми родственниками. Люди, собравшиеся за столом, обладали несметным богатством. Еще более огромным, чем у семейства Асторов. Состояние Командора оценивалось в миллионы долларов. После его кончины оно будет разделено между его тринадцатью детьми и их отпрысками. Самый большой кусок пирога, естественно, достанется старшему сыну, Билли.

Командору, сидевшему справа от Альвы, было семьдесят восемь лет; ум и зрение его начинали подводить. Она аж взвизгнула, когда он, по ошибке приняв ее платье за салфетку, нагнулся, чтобы промокнуть об него рот. В лицах остальных отразился ужас. Но они ужаснулись еще больше, когда Командор прополоскал пальцы в чаше с водой, а затем поднес ее ко рту и выпил.

Снова оглядев стол, Альва четко осознала, с чем она столкнулась. Да, Вандербильты были баснословно богаты, но ни за какие деньги не купить то, что у них начисто отсутствовало: воспитанность. Билли вилок для устриц ел салат; у Джеремайи в бороде застряли хлебные крошки; Корнелиус держал локти на столе; Командор жевал с открытым ртом.

Каждое новое поколение Вандербильтов обладало чуть более изысканными манерами и утонченным вкусом, но до светского общества они еще не доросли. Честно говоря, ее новые родственники были грубоваты даже для Альвы. Ей стало ясно, как божий день, что именно она должна взять на себя задачу заставить светское общество признать Вандербильтов.

Глава 8

Каролина

Только через мой труп. Эти слова очень скоро аукнулись Уильяму Бэкхаусу Астору-младшему. На следующий день после пикника, проходя мимо зимнего сада, Каролина увидела, что ее мужу нанес визит весьма необычный гость – широкоплечий джентльмен угодливой наружности, стоявший в подобострастной позе. Хейд представил его Джорджем Пендерграссом, секундантом генерала Ван Алена.

– *Секундант* Ван Алена? – рассмеялся Уильям, взглянув на Каролину. Та из любопытства задержалась в зимнем саду, опустившись в плетеное кресло рядом с мужем. Ветер, врывающийся в открытые окна, колыхал шторы.

Пендерграсс церемонно вручил Уильяму запечатанный конверт.

– Генерал просил, чтобы я доставил это письмо вам лично в руки.

Наступило молчание. Слышался только внезапно усилившийся шум воды, журчавшей в мраморном фонтане со статуей Аполлона в самом центре зимнего сада.

– Очень хорошо, – наконец произнес Уильям. – Письмо вы доставили. А теперь с вашего позволения я займусь своими делами. У меня нет времени на эту чепуху. – Он жестом показал гостю на дверь.

– Я получил указания дождаться, пока вы прочтете письмо генерала. – Пендерграсс, сцепив за спиной руки, даже не сдвинулся с места, словно врос в пол.

– Вот еще! – отмахнулся Уильям. – Я не намерен исполнять чужие указания. Особенно те, что поступили от Ван Алена. Тем более в собственном доме.

– Что ж, сэр. – Пендерграсс забрал конверт у Уильяма. – Мне было велено прочитать вам письмо в том случае, если вы сами откажетесь это сделать. – Он распечатал конверт, прокашлялся и начал:

Сэр–

Мне стало известно о досадных событиях, имевших место у вас дома вчера, во вторник, 10 августа 1876 г. Я глубоко возмущен. Вы не только унизили и оскорбили моего сына. Вы опорочили доброе имя моей семьи. Я требую, чтобы вы немедленно взяли назад свои слова и извинились перед моим сыном, а также перед всеми вашими гостями. Более того, в связи с этим я требую, чтобы вы дали согласие на брак мисс Эмили Астор с моим сыном Джеймсом Ван Аленом. Если в течение двадцати четырех часов вы не исполните все вышеперечисленное и не принесете мне официальных извинений, я буду вынужден вызвать вас на дуэль, используя в качестве оружия пистолеты «Кольт». Время и место...

– Довольно! – заорал Уильям. Пендерграсс от неожиданности отступил на полшага. *Дуэль?* Каролина покачала головой. Бред какой-то.

– Я больше не желаю слышать ни слова. – Уильям взглянул на Пендерграсса и добавил: – Передайте генералу Ван Алена, что он такой же напыщенный болван, как и его сын. – Он выхватил у Пендерграсса письмо, скомкал его и снова запихнул в руку посланца генерала. – Вот ему мое извинение. Что он будет с ним делать, меня не касается. Хотя, если ему нужен совет, готов подсказать, куда это можно засунуть.

Каролина слушала, как муж поливает оскорблениями Ван Алена-старшего, и, когда его крепкие выражения стали чрезмерно цветистыми, извинилась и покинула зимний сад, сомне-

ваясь, что кто-либо заметил ее уход. Под его неистовую брань она поднялась по лестнице, чтобы заглянуть к Эмили, не выходящей из комнаты после пикника.

На ее стук ответа не последовало. Он взялась за ручку двери. К ее удивлению, та оказалась не заперта. Войдя в комнату дочери, Каролина увидела, что Эмили лежит на боку спиной к двери. Девушка даже не шевельнулась, и Каролина подумала, что дочь спит. Но потом Эмили, вытягивая голову, перевернулась на спину.

– После пикника Джеймс вообще не дает о себе знать. Все кончено. Я его потеряла. Потеряла навсегда.

– Тс-с-с-с. – Каролина села на край кровати дочери, обеими ладонями разглаживая покрывало. В ушах все еще звенел ультиматум генерала Ван Алена. Она никак не могла выбросить его из головы.

– Такое чувство, будто во мне что-то умерло, – произнесла Эмили. – Так больно. Порой даже не продохнуть.

– Всегда особенно больно, когда первый раз разбивают сердце, – сказала Каролина. – Но вот увидишь, – Эмили снова повернулась на бок, – твое сердце заживет, станет крепче, чем прежде. Поверь мне. Сердце – прочный орган. Чем чаще его разбивают, тем выносливее оно становится.

– Я не могу это обсуждать сейчас. Прошу, оставь меня.

Но Каролина не представляла, как можно что-то *оставить*. Это было не в ее натуре. От природы человек деятельный, организатор – тот, кто приглаживает перышки, решает проблемы, – в глазах родных детей она обладала волшебной силой. Но в кои-то веки Каролина растерялась. В сложившейся ситуации, как ни поступи, исход будет неблагоприятный.

Никто не учит, как быть матерью, думала она, поднимаясь с кровати. Можно научить всему остальному – как сервировать стол, танцевать котильон и говорить по-французски, но уроков по воспитанию детей никто не дает. Несмотря на полный штат нянек и гувернанток, Каролина, в отличие от своей матери, детьми всегда занималась сама. Собственноручно купала и переодевала их, сама читала им на ночь сказки. Училась быть матерью путем проб и ошибок, и Эмили, будучи ее первым ребенком, настрадалась от этого больше всех. Каролина опасалась, что в отношении Ван Алена она совершает еще одну ошибку.

Она побрела в свою спальню. Спиной прислонившись к двери, оглядела комнату. Эта комната, большая и просторная, служила ей и кабинетом. В углу стоял письменный стол, сделанный для нее в Париже Альфредом Эммануэлем Луи Бердли. Она давно никому не писала и сейчас подумала, что сочинение письма отвлечет ее от тягостных мыслей. Положив перед собой лист желтоватой веленовой бумаги, на котором сверху было выгравировано ее имя, Каролина начала писать письмо кузине Матильде Браунинг, которая спрашивала у нее совета по поводу первого выхода в свет ее дочери. Оценивая написанное, она ощущала едкий запах, который исходил из хрустальной чернильницы, что стояла на подносе с ножками. Своим почерком она была недовольна. «Д» в слове «Дорогая» по высоте не соответствовала «К» в слове «Кузина» и «М» – в слове «Матильда». Каролина разорвала письмо и принялась писать новое, но на середине бросила и тоже его разорвала.¹⁰

Она встала из-за стола и пересела в мягкое кожаное кресло, лицом к скалам и морю. Обычно рокот прибоя действовал на нее умиротворяюще, но не сегодня. Опустив голову в ладони, она спрашивала себя: «Как мне быть? Что я делаю не так?».

Размышляя о своих дочерях, Каролина приходила к выводу, что только Хелен охотно следует по ее стопам, готова строить свою жизнь в светском обществе, а Шарлотта... Шарлотта была бунтаркой. Совершенно другая по природе своей, она проявляла интерес ко всем явлениям и людям, которые вызывали бы у Каролины протест. Ну а Кэрри... Ее младшая дочь

¹⁰ Альфред Эммануэль Луи Бердли (1847–1919) – один из крупнейших краснодеревщиков 2-й половины XIX в.

любила рисовать, увлекалась живописью, запечатлевала на портретах сестер, брата – любого, кто соглашался ей позировать. И она была не лишена таланта.

Каролина понимала, что ее дочери становятся самостоятельными личностями со своими интересами и пристрастиями, но она не знала, как их отпустить от себя, как поверить, что они найдут свой путь. Она так старалась удержать их под своим крылом, уберечь от неизведанного, но теперь стала проигрывать в этой борьбе. Одно она знала наверняка: такой, как ее собственная мать, она быть не хочет. Каролина морщилась каждый раз, когда ловила себя на том, что говорит ее словами. Например: «Ты что-то сделала с волосами?». Подразумевая, что она этого не одобряет. Или: «Почему? Потому что я так сказала». Или: «Плечи отведи назад, юная леди» и «Что я говорила тебе о...».

Думать об этом сейчас она не могла. Ее разум кипел от беспокойства за Эмили и страха перед дуэлью. Игнорируя требование генерала Ван Алена, отказываясь принести извинения, Уильям фактически принимал вызов, а сама мысль о том, что ее муж будет стреляться с Ван Аленом, повергала Каролину в панику. Ван Алэн был искусным стрелком. Дуэль с ним была равнозначна самоубийству.

В дверь постучали. В комнату вошел Хейд. На серебряном подносе он принес графин и хрустальный бокал в форме тюльпана.

– Я подумал, мадам, что, может быть, у вас есть желание выпить хересу.

Хейд служил у Каролины вот уже несколько лет. Прежний дворецкий однажды ночью умер во сне. Хейд предоставил Асторам превосходные рекомендации и вскоре доказал, что он – джентльмен и предан своему делу. Высокий стройный мужчина средних лет, он имел темные волосы, чуть-чуть тронутые сединой, и густой красивый баритон. Дети Каролины его обожали. Но одним из его бесценных достоинств было умение предвосхищать ее малейшие желания, будь то необходимость подбросить полено в камин, принести ей чашку чая или, как в данном случае, что-то покрепче.

Днем Каролина никогда не пила спиртного, но сегодня позволила себе сделать исключение и была благодарна Хейду, что он оставил ей графин. Она отпила глоток хереса, чувствуя, как в груди разливается тепло. Выпив один бокал, Каролина подумывала о том, чтобы пропустить второй. Эмили все еще находилась в своей комнате, Хелен с Шарлоттой – на пляже, Кэрри на веранде рисовала портрет бабушки, а Джек отправился на прогулку с гувернанткой, пообещавшей ему в награду за это печенье. Каролина налила себе второй бокал и, потягивая херес, стала репетировать свою речь. Когда решила, что готова к разговору с мужем, допила херес, отставила графин и пошла искать Уильяма.

Она нашла его в бильярдной. Он сидел на краю дивана в окружении своих спортивных наград и зашнуровывал белые ботинки на резиновой подошве, которые он надевал всегда, когда ходил на яхте.

У нее упало сердце.

– Собрался в яхт-клуб?

– Да. А что?

– Именно сегодня? – Она стояла в дверях, подпирая косяк, и смотрела на шары, разбросанные по бильярдному столу.

– А что, по-твоему, я должен делать? Сидеть и ждать, когда Эмили соизволит выйти к нам? Покуксится и выйдет.

Эмили? Сейчас она волновалась не столько за Эмили, сколько за мужа. У нее все сжалось внутри.

– Уильям, ты обязан остаться и написать письмо с извинениями...

– И не подумаю.

Именно этого она и боялась. Гордость не позволяла ему отступить. Каролина прошла к креслу, села на край, пытаясь придумать, как достучаться до мужа. Хотела сказать, что боится за него, что он нужен детям, нужен *ей*. Хотела сказать, что любит его, а вместо этого заявила:

– Ты – глупец. Ван Ален – бригадный генерал. А у тебя руки не трясутся, только когда ты держишь бокал. Он уьет тебя на счет десять.

Уильям встал и прошел через комнату. Повернувшись к ней спиной, смотрел в окно, будто что-то на улице привлекло его внимание. Но в зеркале она видела отражение мужа: его лицо перекошилось в гримасе. Он пребывал в смятении. Они оба знали, что она права.

– Уильям, ты слышишь, что я говорю? Тебя нельзя стреляться на дуэли.

– А у меня нет выхода. – Не поворачиваясь к ней, он добавил: – Или ты предпочитаешь, чтобы я извинился, благословил этот нелепый брак и отдал дочь в жены человеку, который опозорит нашу семью? Ты это мне предлагаешь?

Каролина поднялась с кресла, подошла к мужу, взяла его за руку и в ответ произнесла только одно слово:

– Да.

Так и получилось, что ее дочь, мисс Эмили Астор, обручилась с мистером Джеймсом Ван Аленом.

Глава 9

Светская хроника

Нью-Йорк

Во всех гостиных сейчас говорят только об одном – о свадьбе Эмили Астор. Вернее, о том, зачем же она выходит замуж за Джеймса Ван Аллена? Ведь в наши дни все светские дамы – дебютантки, гораздо менее родовитые, чем Эмили Астор – выходят за герцогов, графов, виконтов, баронов – мужчин с *настоящим* британским акцентом!

Элис Шапель стала герцогиней де Ришелье, Дженни Спенсер – леди Рэндольф Черчилль. Консуэло Иснага недавно была помолвлена с виконтом МанDEVИЛЕМ, а буквально на прошлой неделе мы узнали, что Минни Стивенс обручилась с капитаном Артуром Пэджитом, чей дед был первым маркизом Англси. Скоро мы будем называть ее леди Пэджит. Как же так: все девушки выходят замуж за знатных особ, а старшая дочь миссис Астор – даже не за никербокера, а вообще за какого-то *Ван Алена*? Неслыханно!

Стали появляться сообщения о подробностях организации свадьбы. Офелия слышала, что в списке приглашенных – президент Грант и премьер-министр Великобритании. Меню банкета, по слухам, было расширено с шести блюд до девяти. Цветочное оформление будет настолько изысканным, что одной фирме никак не справиться. И миссис Астор наняла и Говарда Флейшмана, и компанию «Кландур, Ходжсон, Уодли и Смайз». Очевидно, миссис Астор вознамерилась превзойти саму себя в искусстве устройства приемов, и в ближайшие две недели все мы будем судорожно проверять свою почту в надежде получить столь желанное приглашение для участия в мероприятии, которое уже называют *свадьбой десятилетия*.

Глава 10

Каролина

Если Уильям еще хоть раз посмотрит на карманные часы, еще хоть раз со щелчком откроет и закроет их, она закричит, подумала Каролина. А ведь она никогда не кричала. Каролина выждала, досчитала в уме до десяти. Менее чем через двадцать четыре часа их дочь выйдет замуж, а Уильям только что заявил, что не поведет Эмили к алтарю. Каролина знала, что он блефует, что ему просто нравится так говорить, дабы убедить себя, будто это он хозяин положения.

– Вон пусть Уолдорф ведет ее к алтарю, – предложил Уильям. *Щелк. Хлоп.* – Он баллотировался в сенат штата. Это произведет на всех благоприятное впечатление.

– Уолдорф ей не отец.

– Да ладно, Лина. Кого ты пытаешься обмануть? – Он положил часы в карман. – Ты можешь пригласить сколько угодно президентов, герцогов и герцогинь, да хоть королеву Великобритании, черт возьми, – это ничего не изменит.

Может, и не изменит, зато послужит прекрасным отвлекающим маневром, дав другую тему для сплетен. Она тщательно выверила список приглашенных, оставив в нем только самых престижных гостей; даже вычеркнула нескольких человек из числа друзей жениха и невесты. Эмили Каролина объяснила, что для некоторых знакомых Джеймса, включая молодого Вандербильта и его нахальную супругу, просто не хватит места.

– Лина, послушай, – сказал Уильям, снова доставая карманные часы, – всем известно, что эта свадьба – фарс.

– Позволь напомнить, что ты остался жив лишь благодаря этой свадьбе, – ответила она. – Может, эта свадьба и фарс, но она спасла тебе жизнь, а я теперь должна спасти репутацию Эмили. И неважно, сколько знатных особ придется ради этого пригласить.

– Но ты...

– А ты завтра *поведешь* дочь к алтарю и будешь изображать гордого отца. В противном случае ты просто подольешь масла в огонь, дашь повод для новых сплетен.

– Рты всем *не позатыкаешь*, – возразил Уильям, размахивая руками, пока его лицо не исказилось от боли, после чего он постарался не делать резких движений. Каролина знала, что мужа беспокоит плечо. Последствие давнишнего несчастного случая. Когда Уильяму было восемнадцать лет, его сбросила наземь лошадь, и он вывихнул плечо. В последние годы оно частенько ныло в дождливые и холодные дни, иногда ночами, если он спал в неудобной позе.

Каролина подошла и стала массировать его плечо, то самое место, что она хорошо знала, то самое, которое не раз растирала мазью. Уильям расслабился, отдаваясь на волю ее рук, но через минуту отстранился.

– А Ван Ален, должно быть, начищает до блеска свой монокль – черт бы его побрал! – произнес он уже совсем другим тоном, и с британским акцентом. И рассмеялся.

Каролина не подхватила его смех.

– Да ладно тебе, Лина. Ты всегда веселилась, когда я копировал этого клоуна.

– Этот *клоун* скоро станет членом нашей семьи.

– Эта свадьба – сплошной обман, – повторил он свой прежний довод и снова взглянул на часы. Потом еще что-то пробормотал и вздохнул. – Сразу предупреждаю: на банкет я не останусь... – *Щелк. Хлоп.* – Сяду на яхту и...

Каролина дала ему выговориться, как когда-то терпеливо переживала бурные капризы малыша Джека, если ему запрещали съесть вторую порцию фруктового торта или шоколадного печенья. Ей так и казалось, что Уильям сейчас топнет ногой.

– Ну что ж, – промолвила она, снимая пушинку с лацкана его пиджака, – если ты сказал все, что хотел, тогда иди спать. Тебе нужно хорошенько отдохнуть за ночь. Завтра у нас важный день.

Каролина направилась к выходу. Их спор был окончен. Она пошла на уступки ради него. Завтра он поведет дочь к алтарю и будет присутствовать на банкете. Никуда не денется. Она – королева нью-йоркского общества, но это не значит, что он – король. И он это понимал. Как супруга, она, может, и не имела никаких юридических прав, зато располагала другими рычагами влияния. Стоит ей захотеть, и его выставят из всех мужских клубов, включая его драгоценный яхт-клуб. В ее власти устроить так, что его перестанут приглашать на покер, охоту на лис или выезды с друзьями на природу. Разумеется, ничего такого она ни за что не сделает, ведь, да поможет ей бог, она все еще любит его.

* * *

Каролина не была совсем уж юной, когда выходила замуж за Уильяма. До знакомства с ним она была влюблена в Хораса Уэллсби, сына адвоката ее отца. Однажды когда мистер Уэллсби с ее отцом заперлись в кабинете, Хорас, встретив ее взгляд, улыбнулся ей. И она целую неделю с трепетом вспоминала его улыбку. После месяца тайных ухаживаний Хорас набрался храбрости и поцеловал ее. Каролине тогда было двадцать лет. И это был ее первый поцелуй.

В тот день, вернувшись домой, Каролина не сумела сдержать волнение и с ходу выпалила:

– Ой, мама... кажется, я влюбилась.

Мать, казалось, обрадовалась, разве что вслух не сказала: «*Что ж, пора*». Положив на колени пяльцы, она принялась расспрашивать дочь:

– И кто он? Мы знакомы с его семьей? Кто его родители?

– Вообще-то, мы знакомы довольно давно. Это Хорас. Хорас Уэллсби, сын мистера Уэллсби.

Лицо матери потускнело, совершенно изменилось.

– Ох, Лина, Лина, – покачала она головой. – Сын адвоката? Нет, нет и нет. – Она переложила пяльцы с вышиванием на приставной столик. – Ты должна прекратить эти отношения. Немедленно. Ты не должна больше встречаться с этим юношей. Поняла?

Каролина поняла. Смирилась. Она никогда в жизни не поступала наперекор матери, никогда не возражала ей. И она перестала встречаться с Хорасом, ведь пойти против воли матери было сродни святотатству.

Два года миновала с момента ее первого и единственного в жизни поцелуя. Каролина уже стала опасаться, что тот первый поцелуй, возможно, станет и последним, а сама она превратится в старую деву, но тут в ее жизни появился Уильям Бэксаус Астор-младший.

Их знакомство устроила ее мать, пригласив Уильяма с родителями на ужин. Уильям был всего на два года старше нее, но при виде его бакенбард и широких плеч она оробела от страха. Перед ней предстал зрелый мужчина; в сравнении с ним Хорас был мальчишкой. «*Что это мама себе думает?*» Он никогда не проявит интереса к такой девушке, как она. Уильям, недавно возвратившийся из-за границы, где он пробыл два года, весь вечер потчевал их рассказами о своих путешествиях. Каролина за весь ужин и двух слов не сказала.

После ужина их оставили в гостинной наедине. Каролина ужасно стеснялась, боялась взглянуть на него.

– Знаете, наши матушки вознамерились нас свести, – произнес он заговорщицким тоном.

Каролина безотрывно смотрела на свои руки.

– Знаю. Мне очень жаль.

– Жаль? – Он откинулся назад и рассмеялся. – А мне нет.

По-прежнему не поднимая глаз, Каролина проронила:

– Не смейтесь надо мной, прошу вас.

– Знаете, в чем ваша беда? Вы не видите себя такой, какой вас видят другие.

А вот и нет. Она именно что смотрела на себя со стороны. И была уверена, что в глазах окружающих ее самое привлекательное качество – голландское происхождение.

– Вы – интересная девушка, Каролина Уэбстер Шермерхорн. Совсем не такая, как другие, должен признать. В вас есть что-то... – он взял ее за руку – ... что-то особенное.

Каролина взглянула на него, все еще не зная, что сказать. Лицо, она чувствовала, горит, а значит, и щеки краснеют.

Уильям предложил, чтобы они больше времени проводили вместе, получше узнали друг друга. Если их встречи и проходили под надзором, Каролина этого не помнила. Помнила она только одно: что с ней – он, Уильям Бэкхаус Астор-младший. Когда он впервые ее поцеловал... в общем, она сразу поняла, что поцелуй Хораса – не в счет. От поцелуя Уильяма она просто растаяла.

Они поженились, и девять месяцев спустя Каролина родила Эмили. Уильям был разочарован. Это ни от кого не укрылось. Тем более от Каролины. Она чувствовала, что не оправдала ожиданий мужа. Через год родилась Хелен, в следующие шесть лет – еще две дочери: Шарлотта, потом Кэрри. Все девочки заметно отличались друг от друга, словно каждая явилась в этот мир уже сформировавшейся личностью, и теперь все они лишь дожидались, когда им придет пора раскрыться и расцвести.

Уильям почти расстался с надеждой, что у него когда-нибудь родится сын. Возможно, поэтому он испытывал особую привязанность к Шарлотте. Его *Чарли* была совсем не похожа на остальных. Она не плакала, когда падала, не ждала, что ее поднимут и приласкают. Нет. Упав, она тут же поднималась и еще более решительно шла к своей цели.

Девочки подрастали и все меньше нуждались в том, чтобы мама постоянно была рядом. И Каролина постепенно увлеклась светской жизнью, организуя дома званые ужины, балы. Она вечно была занята, пожалуй, слишком занята, – даже не замечала, что творится у нее под носом.

Именно тогда Уильям стал больше времени проводить на яхте или с лошадьми. Каролина подозревала, что у него есть другая женщина – или другие женщины, – но отгоняла от себя эту мысль, пока не получила доказательства, что ее догадки верны. Запах духов и следы от губной помады на его носовом платке могли иметь только одно толкование. Каролина была раздавлена. Думала, Уильям отдалился от нее потому, что она не смогла сбросить лишний вес после беременности. Три месяца она изводила себя диетами, добилась того, что окружность талии у нее снова стала двадцать два дюйма. Но Уильям оставался холоден с ней. Каролина была в ярости, но в то же время глубоко страдала. Каждый раз, когда он задерживался допоздна, а то и до рассвета, Каролина не ложилась спать, ждала, подходила к окну, вглядывалась в темноту, надеясь, что он вот-вот придет. И когда он наконец появлялся, пьяный, ничуть не раскисившийся, Каролина вела себя так же, как ее мать, когда знала, что ее муж загулял – делала вид, что не замечает этого.

И вот, когда она уже смирилась с тем, что навсегда утратила любовь мужа, однажды вечером Уильям решил остаться дома после ужина, а чуть позже пришел к ней в спальню. Тогда-то и был зачат еще один ребенок – Джон «Джек» Джейкоб Астор IV. Сын. Наконец-то.

Тогда Уильям наведался к ней в спальню в последний раз.

Глава 11

Альва

Наступил ноябрь, а вместе с ним и новый светский сезон. Альва рассчитывала, что ее усилия по спасению дочери миссис Астор на Наскальной тропе в конце концов будут вознаграждены и она добьется расположения гранд-дамы светского общества, но всякие надежды на это угасли, когда они с Вилли не получили приглашения на свадьбу Эмили. А ведь Альва по этому случаю платье особое приготовила, купила свадебный подарок – две украшенные эмалью вазы из венецианского стекла, некогда принадлежавшие одному виконту, жившему в XVIII веке. Элис и остальным Вандербильтам она хвасталась, что будет гулять на свадьбе дочери миссис Астор, где соберется весь высший свет, и, оказавшись в числе отверженных, почувствовала себя глубоко оскорбленной.

А потом, как это бывает, удача окончательно отвернулась от нее. Однажды Альва столкнулась с миссис Астор в ювелирном магазине «Тиффани и компания» на Юнион-сквер. Гранд-дама стояла у прилавка, рассматривая бриллиантовые броши, которые продавец разложил перед ней на черном бархатном подносе. Вдвоем они отбирали понравившиеся ей модели. Альва подошла ближе.

– Не могу решить, какую из этих двух взять, – говорила миссис Астор.

Альва придвинулась к ним еще ближе, разглядывая украшения. Первое представляло собой восхитительный овальный аметист в изысканном обрамлении из желтых бриллиантов, ограненных в стиле «роза» и составленных в виде лаврового венка. Вторая брошь была сделана из синих сапфиров, вставленных в соцветие из бриллиантов.

– Они обе хороши, – сказал продавец. – Я уверен, миссис Ван Ален по достоинству оценит и ту, и другую.

Миссис Ван Ален? Эмили? Это для Эмили?

– Да, только я в раздумьях, пытаюсь понять, какая из них подошла бы ей больше, – сокрушенно произнесла миссис Астор.

– Прошу прощения, – вмешалась Альва, – я невольно услышала ваш разговор. – Она почувствовала, как миссис Астор вся напряглась. *Молчи, Альва. Больше ни слова. Не лезь, не лезь, не...* – Мне кажется, аметист будет лучше сочетаться с цветом лица и волос миссис Ван Ален.

– Что ж, прекрасно, – обратилась миссис Астор к продавцу. – Я возьму сапфиры.

* * *

Несколько недель Альва ходила мрачнее тучи, а потом решила, что пора нанести светский визит миссис Астор. Разумеется, на этот счет существовали определенные правила, но ведь правила для того и существуют, чтобы их нарушать, считала она. Было принято заблаговременно оставлять визитную карточку и ждать – порой до недели – ответа миссис Астор. Альва делать этого не собиралась. Она уже пробовала следовать этикету: оставляла свою визитку не один, не два, а целых три раза. Она устала ждать. Больше ее визитки не будет в числе сотни карточек просителей, ожидающих милости миссис Астор. Альва прежде никогда не сидела сложа руки, если хотела чего-то добиться, так с какой стати изменять своим привычкам?

Напоследок она еще раз оглядела себя в зеркало. Для визита она выбрала бледно-зеленое платье с изумрудной окантовкой на лифе и в качестве украшения – нитку кремового жемчуга,

которая, по словам Вилли, некогда принадлежала Екатерине Великой. Жемчуг наряду с норковой шубой и муфтой из того же меха – наряд более чем достойный.

В тот день шел снег. Первый настоящий снегопад в текущем году. Служивший у них кучер подал к дому экипаж. Две вороные лошади уже были припорошены белыми хлопьями, из ноздрей у обеих вырывался пар. Кучер опустил подножку и помог Альве взойти в карету. Еще не так давно она ходила по городу пешком, до дыр изнашивая обувь, или ездила в переполненных омнибусах вместе с вонючими мужиками в грязных башмаках и женщинами в поношенной одежде, державшими на коленях детей, поэтому личный экипаж с персональным возчиком Альва никогда не принимала как должное. Руки в перчатках она сунула глубоко в муфту на шелковой подкладке. Экипаж тронулся с места.

К двум часам дня уже выпало четыре дюйма снега, и, судя по пасмурному небу, метель прекращаться не собиралась. Преодолевая наледь и снежные наносы, кучер Альвы удерживал карету на наезженной колее, проложенной другими экипажами, которые сновали по Пятой авеню. Расчистив пяточок в запотевшем окне кареты, Альва заворожено смотрела на город, который, казалось, разрастался ввысь и вширь. Здания, их величавость и незыблемость вызывали у нее благоговение. Можно было только догадываться, чего стоило создать нечто столь основательное и прочное, такое, чем не зазорно гордиться.

Они добрались до 34-й улицы. Альва с любопытством смотрела на ничем не примечательный четырехэтажный дом. *Так вот где живет великая королева?* Она ожидала увидеть нечто более роскошное, и отметила, что особняк Каролины даже меньше, нежели расположенный по соседству дом ее деверя, Джона Астора III. Ну и, конечно, оба эти дома смотрелись карликами на фоне особняка Александра Т. Стюарта на противоположной стороне улицы.

Кучер, перед тем, как помочь Альве выйти из кареты, вызвался передать ее визитную карточку. Альва, поблагодарив, отказалась. То, что она задумала, не укладывалось – совершенно! – в рамки светских приличий, но ей было необходимо встретиться с гранд-дамой лично, посмотреть ей в глаза и расположить ее к себе. Она ни словом не обмолвится о том, что спасла Эмили, воздержится от упоминаний об инциденте в ювелирном магазине. Нет, Альва обратится к миссис Астор просто как молодая светская дама. Убедит ее в том, что она может играть достойную роль в жизни светского общества, что не *все* деньги, заработанные на строительстве железных дорог, дурно пахнут.

Альва позволила кучеру проводить ее до парадного входа и позвонить в дверь, а потом отослала его к экипажу. Сжимая в руке визитную карточку, она про себя репетировала свою речь: *О, миссис Астор, какой чудесный у вас дом... Жаль, что мы с вами до сих пор толком не познакомились...* Вскоре дверь отворилась, и перед Альвой предстал дворецкий миссис Астор – высокий стройный джентльмен с удлинённым серьезным лицом и нависающими на глаза тяжелыми веками, отчего казалось, будто у него сонный вид. Он почтительно поклонился и, не говоря ни слова, протянул серебряный поднос.

– Она дома? – с улыбкой спросила Альва, кладя на поднос визитку.

Взгляд его вспыхнул, он опешил.

– П-прошу прощения?

– Миссис Астор дома? Мне хотелось бы перекинуться с ней парой слов. – Альва затруднялась определить, что поставило его в тупик: сама ее просьба или южный акцент, который она умышленно усилила. Альва расплылась в очаровательной улыбке, которая в прошлом открывала перед ней многие двери, и собралась было переступить порог, но дворецкий проворно преградил ей дорогу.

– Боюсь, миссис Астор не принимает гостей, которым не назначено. – Он опять поклонился, звучным низким голосом пожелал ей доброго дня и закрыл дверь у нее перед носом.

* * *

Ошеломленная, Альва смотрела на звонок, будто ждала, что дверь снова откроется. Через витражные окна она наблюдала, как дворецкий исчезает в глубине длинного темного коридора. Ей дали от ворот поворот. И кто? Какой-то там дворецкий. Негодяя, она приосанилась и заставила себя горделивой поступью спуститься к экипажу.

– Отвези меня к дому мисс Иснага, – велела она кучеру, с его помощью усаживаясь в карету. Сунув руки в норковую муфту, она стиснула их в кулаки. Ей нужен совет Консуэло. К счастью, ее подруга сейчас находилась в Нью-Йорке, готовясь к бракосочетанию с Джорджем Виктором Дрого Монтагю, виконтом Мандевилем, будущим герцогом Манчестерским. По крайней мере, на эту свадьбу она приглашена. Слава богу, что Консуэло не всегда придерживалась нелепых светских правил.

Альва познакомилась с ней в Ньюпорте, еще в детстве. Отец Консуэло был богат, владел плантациями сахарного тростника на Кубе; отец Альвы неплохо преуспевал, выращивая хлопок. Обе девушки выросли на Юге: Консуэло – в Луизиане, Альва – в Алабаме. Обе проводили лето в Ньюпорте. Из всех бывших подруг только Консуэло не отвернулась от Альвы, когда ее отец разорился.

По прибытии в дом семьи Иснага Альва нашла подругу в музыкальном зале, где Консуэло музицировала на банджо, которое всюду сопровождало ее. Альва видела, как ее подруга перебирает струны на званных ужинах и вечеринках под открытым небом. Своей игрой она очаровывала публику: ей аплодировали, просили сыграть еще. Каждый вечер Консуэло подолгу держала пальцы в растопленном сливочном масле, чтобы они не огрубели, не стали мозолистыми.

Альва метнула через комнату свою шляпку, зубами стянула с рук дорожные перчатки и только потом поведала подруге о том, как с ней обошелся дворецкий миссис Астор.

– А чего ты ожидала? – Консуэло взяла несколько аккордов. – Альва, ты же не глупая женщина. Должна понимать, что этой выходкой ты только навредила себе. Нельзя действовать напором, тем более в отношении миссис Астор.

– И в отношении тебя, разумеется, тоже.

– Ты всегда была как ураган, – рассмеялась Консуэло. – В детстве из кожи вон лезла, чтобы добиться своего.

– И ведь получалось, да?

– Это было тогда. Теперь – другое дело. – Подчеркивая свои слова, Консуэло ударила по струнам. – Светское общество ни на дюйм не уступит своих позиций. Сразу тебя предупреждаю. И перестань таскаться по магазинам за миссис Астор.

– Я за ней не таскалась. Случайно туда зашла.

– И, благоразумия ради, научись держать язык за зубами.

– Ох, надоело мне это *общество*. Что ни делай, никак на них не угодишь.

Рассмеявшись, Консуэло отложила банджо и поправила свои темные локоны.

– Это не смешно. О, помогите мне, Небеса! – Альва театрально прижала ко лбу ладонь, словно вот-вот упадет в обморок. – Как я посмела заявиться с визитом к великой миссис Астор? Хорошо хоть двух часов дождалась. – Согласно одному из правил светского этикета, нельзя было наносить светские визиты раньше двух часов дня и оставаться в гостях дольше четырех. Альва это правило не нарушила.

– Думаю, ты нанесла ей куда большее оскорбление, попросив дворецкого доложить о тебе.

– Господи помилуй, – вздохнула Альва. – Я и не знала, что нельзя просить аудиенции у чванливой Каролины Астор.

– Ты ведешь себя, как капризный ребенок, – поддразнила ее Консуэло. – И вообще, зря ты говоришь о миссис Астор в таком тоне. Она очень влиятельная женщина. Нравится тебе это или нет, но только с ее благословения тебе откроется доступ в нью-йоркское общество.

– Да она же старомодная. И упертая: слишком строго следует своим правилам – ни вправо, ни влево. А еще она холодная. У этой женщины масло сливочное во рту не растает.

– Альва!

– Все, молчу. – Она вскинула руки.

Консуэло подошла к ней, заключила в ладони ее лицо.

– Успокойся. Ты – большая умница. Ты *обязательно* что-нибудь придумаешь. Если миссис Астор стоит на твоём пути, может быть, стоит, избрать другой.

– Например?

– Ну, не знаю. – Консуэло уронила руки и пожала плечами. – Допустим, через Музыкальную академию.

– Я уже пыталась купить у них ложу. Они даже встречаться со мной не захотят, чтобы обсудить этот вопрос.

– А ты попробуй еще раз. Мы с тобой знакомы с очень давних пор. Ты никогда не сдаешься без боя. Всегда добиваешься того, чего страстно желаешь. Вон и Вилли Вандербильта заполучила. Если задашься целью, ни у миссис Астор, ни у Музыкальной академии нет шансов устоять под твоим напором.

Глава 12

Каролина

Собираясь приступить к чтению новой книги, Каролина устроилась в своем любимом кресле работы братьев Гертер. Оно стояло в эркерной нише на верхнем этаже напротив пылающего камина. Осенний день выдался холодным и солнечным. Листва на остролистных кленах, стоявших перед домом, пожухла и облетела несколько недель назад. Сквозь их голые ветви всю Пятую авеню она видела, как на ладони.¹¹

Не открывая лежавшей на коленях книги, Каролина смотрела в окно и вдруг заметила, как у входа остановился ее экипаж. Кучер спрыгнул с облучка и открыл дверцу кареты, из которой сошла Шарлотта. Улыбаясь, она наклонилась к нему, а он, взяв ее за талию, поднял, как балерину. Из-под платья виднелись ее сапожки, задевавшие подол. Они оба засмеялись. Медные пуговицы его ливреи искрились в лучах зимнего солнца.

Каролина встала с кресла, приблизилась к окну и отодвинула шторы, наблюдая за ними. Пульс участился, биение сердца эхом отдавалось в голове. Словно замороженная, она смотрела на них, пока Шарлотта не оставила кучера и не скрылась в доме.

Каролина услышала, как дочь поднимается на верхний этаж и вышла к лестнице, встречая ее.

– Мне бы хотелось поговорить с тобой, юная леди.

Она понимала, что должна наставить дочь на путь истинный, но к этому разговору готова не была. Пока Каролина думала, что ей сказать, Шарлотта ее опередила.

– Я видела, как ты в окно наблюдала за нами, – дерзко заявила девушка, словно намеренно устроила то представление для матери. Каролина не знала, кого именно дразнила Шарлотта – Дункана Брайера или мать. – Он очень интересный человек. Ты и сама бы это поняла, если б взяла на себя труд получше его узнать.

– Мне нет нужды его узнавать. И тебе тоже. Господи, Шарлотта, он ведь кучер! Больше одна ты с ним на прогулку не поедешь. Только в сопровождении кого-то из дам. Это ясно? – Силы небесные, она ведет себя прямо как ее собственная мать. Ведь она сказала Каролине то же самое, когда ей стало известно о Хорасе Уэллсби.

– Не волнуйся, мамочка, – фыркнула Шарлотта. – Замуж я за него не выйду.

– В этом можешь не сомневаться.

Шарлотта сложила на груди руки.

– Что-нибудь еще? – Она встала, пальцами отбивая дробь по рукаву платья. – Я обещала папе, что снова обыграю его в шахматы.

Каролина растерялась. Она покачала головой и махнула рукой, отпуская Шарлотту.

* * *

Чуть позже в тот же день Дункан Брайер стоял в гостиной перед Каролиной. Склонив голову, он тискал в руках шляпу. С собой он принес запах лошадей с извозчичьего двора.

Каролина отставила в сторону чашку и сцепила руки на коленях.

– К сожалению, твои услуги здесь больше не понадобятся.

¹¹ Нью-йоркская фирма «Братья Гертер» (годы деятельности: 1864–1906) занималась изготовлением мебели и оформлением интерьеров. Основатели – иммигранты из Германии Густав Гертер (1830–1898) и Кристиан Гертер (1839–1883).

Удивленный, он резко вскинул голову, широко открыл голубые глаза. У него был волевой подбородок, густые каштановые волосы имели неопрятный вид.

– Если это из-за починки колеса...

– С колесом это никак не связано, уверяю тебя.

– Тогда позвольте спросить, за что меня увольняют?

В его взгляде сквозило искреннее недоумение, словно он не догадывался, каков будет ответ. Каролина раздумывала, взвешивая свои слова. Чем меньше будет сказано, тем лучше.

– Я охотно дам тебе рекомендации для твоего будущего работодателя.

Дункан поклонился, поблагодарил ее и удалился. Каролину кольнуло чувство вины. В конце концов, он был хороший кучер и вообще добросовестный работник. Однако она была вынуждена избавиться от него.

Теперь осталось только объяснить с Шарлоттой, и чуть позже она пришла в комнату дочери. Шарлотта пряталась в укромном уголке эркерной ниши напротив кровати. У ее ног в чулках на диванных подушках лицом вниз лежал какой-то журнал.

– Зачем ты его уволила? – Она смотрела в окно, отирая глаза тыльной стороной ладони. Значит, уже слышала новость. Наверно, от Кэрри или Джека.

– Я сделала это ради тебя.

Шарлотта взяла журнал и принялась его листать. Глаза ее блеснули. Каролина видела, что дочь борется со слезами.

– Он не сделал ничего плохого. Если тебе не терпелось кого-то наказать, наказала бы меня, а не его.

Каролина не хотела наказывать Шарлотту. Она просто стремилась убрать источник соблазна.

– Я всего лишь пытаюсь защитить тебя.

– Защитить? – с горечью повторила Шарлотта, отшвырнув журнал в сторону. – Я не нуждаюсь в защите.

Каролина понимала, что не следует давить на дочь. Если сейчас отступить, не сказав больше ни слова, ее гнев покипит-покипит и затихнет, так и не вылившись в пререкания. Она повернулась, собираясь покинуть комнату Шарлотты, и заметила в углу ее сапожки. На подошвах запеклась глина с примесью сена. Значит, она уже ходила на конюшни, чтобы напоследок еще раз увидеться с Дунканом Брайером.

Глава 13

Альва

Шли месяцы, но ничего не менялось. Консуэло уехала с будущим мужем в Европу, и, если не считать нескольких ужинов в компании Эмили и Джеймса Ван Аленов, Альва фактически ни с кем не общалась. Она чувствовала себя всеми покинутой. И, поскольку из ее знакомых больше не осталось никого, к кому она могла бы обратиться, Альва с удивлением осознала, что ее тянет к единственному человеку, который ее понимает, – к Джеремайе Вандербильту. За последнее время они стали добрыми друзьями. Он навещался к ней в дом, она ходила к нему. Он жил в скромном особняке со столь же скромной обстановкой.

– Для Вандербильта ты совершенно не умеешь тратить деньги, – заметила Альва, когда впервые по его приглашению пришла к нему домой.

Смеясь, он взял сигарету.

– Ты обратил внимание, – сказала она, – что буквально все дома Вандербильтов внутри выглядят одинаково? Во всех преобладает ужасный мшисто-зеленый цвет.

– Знаешь, как говорят: наличие денег не обязательно подразумевает наличие вкуса. – Джеремайя опять рассмеялся.

– В этом ты абсолютно прав.

Он чиркнул спичкой, пламя осветило его лицо, и она различила в нем намек на безумие и искру гениальности. Джеремайя обладал непревзойденно тонким умом и потрясающим умением выбрать нужный момент. Тем не менее, за его язвительностью и сарказмом скрывалась невероятно глубокая, чуткая душа. Он знал, когда и как ее рассмешить, а когда сочувственно промолчать. Именно так он и повел себя, когда стало известно, что Альва не приглашена на свадьбу Эмили, когда миссис Астор утерла ей нос в «Тиффани», когда она оставила у миссис Астор свою третью визитную карточку.

Чем больше времени они проводили вместе, тем больше она восхищалась его уникальностью. Он был незаурядный человек, мыслил по-своему и не обращал внимания на то, что о нем думают.

Альве вспомнилось, как она познакомилась с его компаньоном, Джорджем Терри. Маленький, коренастый, он, когда их представили друг другу, снял с красивого лица большие очки в круглой оправе, словно для того, чтобы получше ее рассмотреть.

– Значит, вы и есть Альва, – сказал он, обнимая ее. – Насколько я понимаю, вы – добрый друг Джеремайе. А ему нужен такой добрый друг, как вы.

Альва была тронута его словами. До той минуты она не сознавала, как, должно быть, тяжело жить на свете таким людям, как Джеремайя.

– А я ни капельки не стыжусь, – заявил он ей однажды, ни с того ни с сего. Они шли по Седьмой авеню. Джеремайя любил прогуливаться. Говорил, что физическая активность помогает ему справиться с мыслями, предупреждает *припадки*, как он выражался. – Джордж – мой лучший друг. Самый любимый человек на планете.

– А я думала, это я твой самый любимый человек на планете, – поддразнивающим тоном заметила Альва.

– После тебя, конечно. – Он взял ее под руку. – Будь у нас хоть немного благоразумия, мы с Джорджем переехали бы в Париж.

– Почему же не переедете? Я буду вас навещать.

– Для этого нужны деньги, – ответил Джеремайя. – Казалось бы, отец должен обрадоваться, если я вдруг – *бах* – и исчез. Ничего подобного. Он урезал мое содержание. В очеред-

ной раз. Так что уехать я не могу. Буду сидеть здесь. По крайней мере, пока у меня не появится возможность изменить положение к лучшему. – Сейчас Джеремайю преследовали неудачи. – Командор... – рассмеялся он, качая головой. – Господи, как можно величать себя Командором? Смешно. Чокнутый старик. Но не обманывайся на его счет. Будь с ним всегда настороже. Он расчетлив. И жесток. Однажды – представляешь? – сунул мою руку под пресс? – Он показал ей обезображенную ладонь.

Альва рассматривала покалеченные пальцы Джеремайи. Ей давно не давал покоя вопрос, что случилось с его рукой.

– И это еще цветочки в сравнении с тем, как обращался со мной Билли. Он любил гоняться за мной с гаечным ключом. Хватал за воротник и давай таскать туда-сюда. Хороша братская любовь, а? – рассмеялся Джеремайя.

Альва подумала про своих сестер. Бывало, она гонялась за Джулией и Дженни по дому с щеткой для волос или с чем-нибудь еще, что попадалось под руку. Армида была старше, крупнее, с ней она не смела драться. Свои разногласия они обычно выясняли путем словесных перепалок.

– Порой мне с трудом верится, что у нас в жилах течет одна и та же кровь, – говорил теперь Джеремайя. – Я смотрю на жизнь совсем не так, как Вандербильт.

– И слава богу.

– Хочешь совет? Будь осторожна. Не теряй бдительности. Вандербильты – безжалостный народ. Оглянуться не успеешь, как они залезут тебе под кожу. Извратят твой разум, если им позволить. Только дай слабину, и они внушат тебе, что ты сошла с ума.

* * *

Альва решила последовать совету Консуэло и с энной попытки получила согласие на встречу с Огюстом Бельмоном, импресарио Музыкальной академии.

В день назначенной встречи шел дождь, нудный беспросветный дождь со снегом, грозящий обернуться снегопадом, поскольку температура воздуха была близка к нулевой. Академия находилась на стыке восточной части Четырнадцатой 14-й улицы и Ирвинг-плейс, в одном из «карманов» Манхэттена, который некогда был средоточием нью-йоркского света. С тех пор многое изменилось. Альва миновала вывеску вульгарного водевильного театра Тони Пастора¹², располагавшегося в полуподвальном помещении здания «Таммани-Холла»¹³, которое соседствовало рядом с оперным театром. Тротуар был запружен народом, и ей приходилось лавировать между стайками протестующих – мужчин и женщин с плакатами «Работу безработным». «Мы будем бороться до победного конца», «Работа или бунт». Многие надписи расплывались под дождем. До какого же отчаяния нужно дойти, подумала Альва, чтобы стоять на углу улицы под проливным дождем, как эти люди?

Перед входом в театр она стряхнула с зонта капли дождя и вошла в фойе, где ее уже ждала молодая женщина с острым подбородком. Она держалась подчеркнуто учтиво и церемонно, провожая Альву в находившийся рядом с фойе кабинет, темный и гулкий, как пещера.

– Господин Бельмон будет с минуты на минуту, миссис Вандербильт. – Она чуть ли не поклонилась, закрывая за собой дверь.

¹² Тони Пастор (1837–1908) – амер. импресарио, артист эстрады, один из основателей театра водевиля в США.

¹³ Таммани-Холл (Tammany Hall) – традиционное название исполнительного комитета регионального отделения Демократической партии в Нью-Йорке. Название происходит от имени вождя делаваров Тамманенда. Как общество действовало в 1790-е–1960-е гг. Контролировало выдвижение кандидатов и патронаж в Манхэттене с 1854 по 1934 год. Многие годы являлось главной политической силой Нью-Йорка и всего одноименного штата. Однако к 1870-м годам оно стало орудием вершки Демократической партии и отличалось неразборчивостью в средствах и коррупцией своих лидеров.

Альва заняла один из стульев напротив письменного стола, повесив зонт на подлокотник. На полу тотчас же образовалась лужица, и она пожалела, что не оставила зонт в фойе. Она немного сдвинула стул, чтобы скрыть лужу, но на полу стала скапливаться другая.

Направляясь к театру в экипаже, Альва вспомнила слова Тесси Ульрикс о том, что мистер Бельмон – еврей, единственный еврей, получивший доступ в светское общество, насколько ей было известно. Альва нервничала накануне этой встречи, но, когда Огюст Бельмон вошел, она мгновенно успокоилась, подумав, что волновалась зря. Щуплый, чисто выбритый мужчина с тронутыми сединой изысканно подстриженными висками, Бельмон был сама любезность: извинился за то, что заставил ее ждать, даже предложил чаю с печеньем.

– Итак, чем я могу вам служить, миссис Вандербильт? – улыбнулся он, маленькими глоточками отпивая чай. Очки сползли ему на нос.

– Во-первых, позвольте поблагодарить вас за то, что нашли «окошко» для встречи со мной в вашем плотном расписании, – отвечала Альва с сильным южным акцентом, будто только что прибыла с самого дальнего уголка одного из южных штатов.

– Не стоит благодарности, я очень рад знакомству. – Он поменял позу. – Правда, у меня скоро еще одна встреча, – он глянул на часы, – так что, может быть, перейдем сразу к делу?

– Что ж, прекрасно. Я просила вас о встрече, потому что хотела бы купить ложу в Академии, – объяснила Альва.

– Понимаю. – Медля в нерешительности, Бельмон опустил чашку на блюдце и положил локти на стол. – Разумеется, мы ценим ваш интерес, однако с ложами не так все просто.

– Позвольте узнать почему, мистер Бельмон? – Она почувствовала с его стороны сопротивление, и прежняя тревога стала возвращаться.

– Ну, во-первых, члены нашей ассоциации – все страстные поклонники оперы и...

– Уверяю вас, Вандербильты очень любят музыку. И вообще искусство. – Голос у Альвы был спокойный, учтивый, безупречный. Она поднесла ко рту чашку с чаем.

– Боюсь, дело не только в этом. – Кончиком пальца он поправил на носу очки. – Все ложи в Академии наперечет. И, как правило, переходят от одного поколения к следующему поколению той же семьи. Но и это еще не все. Приобретение ложи требует определенных обязательств.

– И что это за обязательства? – Альва склонила набок голову, хлопая ресницами.

– Поскольку это вопрос финансового характера, наверно, лучше бы его обсудить с мистром Вандербильтом.

– Уверяю вас, я вполне способна обсуждать финансовые вопросы, особенно в том, что касается моей семьи. – Она видела, что ее ответ сбил его с толку. *Отлично.* – Прошу вас, мистер Бельмон, что вы подразумеваете под обязательствами?

Он прокашлялся, снова поправил очки.

– Резервирование ложи связано со *значительными* финансовыми обязательствами. Например, ложа бельэтажа, где всего четыре места, 400 долларов за сезон. Остальные ложи дороже. – Он развел руками, как бы говоря: ну вот, что тут еще объяснять.

Если Альве вежливо отказывали, она это сразу понимала.

– Естественно, – произнесла она, не желая сдаваться, – я готова заплатить требуемую сумму. И само собой разумеется, ложа балкона будет предпочтительнее.

– Ну что вы, – рассмеялся Бельмон, давая понять, что она сама не понимает, о чем просит, – это очень дорогие места. Их цена от 800 долларов за сезон.

– Я заплачу вдвое, – парировала Альва с улыбкой.

– Прошу прощения?

– Мистер Бельмон, вы должны понимать, что я готова заплатить гораздо больше установленной цены.

Он снова прочистил горло.

– Боюсь, не так все просто.

Ощущая жжение в груди, Альва опустила чашку и подалась вперед на стуле, буравя его взглядом.

– Мне казалось, Академия должна быть рада, что Вандербильты желают внести свой вклад. Мне известно наверняка, что у Академии большие долги. – Она заметила, что Бельмон напрягся, сидя в своем кресле, и продолжала: – Если верить статье в «Нью-Йорк уорлд», дефицит бюджета Академии на этот сезон составляет 50 тысяч долларов. Здание театра постоянно нуждается в ремонте. Крыша протекает, стены и потолок обсыпаются, котельная работает с перебоями. Говорят, за последнее выступление Аделина Патти потребовала 4900 долларов. Кристина Нильсон за предстоящий ангажемент требует 4500 долларов.¹⁴

Бельмон снял очки.

– Вижу, вы основательно подготовились, миссис Вандербильт. Я потрясен, но...

Раздался стук в дверь, и в кабинет просунула голову молодая женщина из фойе.

¹⁴ Патти, Аделина (1843–1919) – итал. певица (колоратурное сопрано), одна из наиболее значительных и популярных оперных певиц своего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.